

великихъ народовъ не бываетъ коротка историческая память. Прежде чѣмъ является историческая наука, великіе народы обладаютъ уже богатствомъ знаній о вѣкахъ минувшихъ, о лицахъ и событіяхъ, оставившихъ свои слѣды въ ихъ памяти, озаряя потомковъ славою предковъ или указуя имъ новыя пути. Само собою разумѣется, что историческія народныя воспоминанія не всегда воспроизводятъ бывшее въ точномъ и истинномъ видѣ, но большею частію въ отрывкахъ и лишь въ поэтическихъ украшеніяхъ и очертаніяхъ; но для историка не безразлично знать, подъ какимъ угломъ зрѣнія тѣ

или другія событія и лица отразились въ народномъ сознании и подъ какими внутренними движеніями они ощущаются донынѣ народнымъ сердцемъ.

Въ эпикѣ народныхъ сказаній не только можно почерпнуть живыя черты для художественнаго изображенія историческихъ лицъ и событій, но и подмѣчаютъ иногда смыслъ, какого не подсказываютъ намъ старыя лѣто-

писи и акты. Предлагаемыя Сказанія записаны нами въ Олонецкой и Новгородской губерніяхъ и болѣею частію отъ пѣвца былинъ Щеголенкова и извѣстной вопленицы Ирины Федосовой.

Не вдругъ появилась на Руси идея Царя, какъ византійскаго православнаго Самодержца. Для этого прежде всего должна была заселиться, объединиться и нравственно окрѣпнуть Великая сѣверная Русь; главнымъ же образомъ развитіе Царской идеи неразрывно связано съ исторіею Москвы и судьбами Византійской имперіи. Только при свѣпѣ минувшихъ вѣковъ сказывающіяся и болѣе явственно историческое значеніе и болѣе ярко историческая слава прехосплѣннаго царствоваша Дома Романовыхъ.

Въ концѣ XI вѣка древняя Суздальская область, ядро Великой Россіи, была достояніемъ, какъ извѣстно, Владиміра Мономаха и его рода. Мономахъ былъ носитель идеи Единой Русской земли и единой Верховной власти, о которомъ, какъ идеалъ уже невозвратномъ, вспоминали въ XII вѣкѣ: «О, споданѣ Русской землѣ, вспоминая первую годину и первѣхъ князей! Нелѣзя вѣдѣ того стараго Владиміра пригвоздишъ къ горамъ Кіевскимъ. Однѣ знамена спали Рюрика; другія Давида; но врозѣ онѣ вѣюшя у нихъ извилинами». Не даромъ, по преданію, Мономаху присланы были изъ Царьграда знаки Цесарскаго достоинства: царскія оплечья (бармы) и царскій вѣнецъ, извѣстныіи подъ именемъ «Мономаховой шапки».

Сынъ его Георгій (Юрій) шель по слѣдамъ своего державнаго отца и отдавалъ всю свою молодую энергію на успроеніе Суздальскаго края, новой сѣверовосточной Россіи.

Дика, угрюма и сурова была эта малообитаемая сторона. Здѣсь «были темныя лѣса дремучіе, высокія горы толкучія, дикія болота и мхи дыбчія, рѣки большія и малыя озерышка, острова незнакомыя, берега небывалыя. Предъ глазами мелькали деревца шатучія, суховерхія рошцы еловыя и горькія осинушки, курчавыя березыньки; ракиповыя кустики, малиновыя прутьики; а въ нихъ витали змѣи клевучи и звѣри събѣдучіе; даже и шеперь чаще встрѣчающіяся здѣсь: зайушко загнаной, горносталюшко упалой, сѣрой волкъ и звѣрь (медвѣдь); изрѣдка залетаесть сюда соловей—птица свистучая, но чаще слышнѣя кокоша горегорькая; бывающъ птицы привѣтливыя и догадливыя: сокольчикъ златокрыленкой, орель птица говорящая, косатая ластушка и бѣлая лебедушка, но болѣе здѣсь птиць хищныхъ и жалкихъ: черныи воронъ, гуси заблудящіе, сорока поскакучая, вороница полетучая и всякая упадѣ во темномъ лѣсу. Буйныя вѣтры господствуютъ здѣсь; подымаетъ пѣдара — погода непомѣрная: огромныя деревья вырываетъ съ корнемъ, горы даютъ прецины; въ рѣкахъ вода мѣшается съ пескомъ; но воль еще ходующъ пѣроки съ западомъ, кресныи на могилахъ сокидаесть, солону со хороминъ поснимаетъ, на морѣ образуются столшни и лодкамъ и соймамъ грозитъ великая опасность». Понятно, какую страшную борьбу долженъ вести здѣсь человѣкъ съ такой угрюмой, бурной и непостоянной природой. Чтобы только поддерживать здѣсь свое существованіе, «нужно имѣть силу звѣриную и нѣяги надо держатъ лошадинныя». Здѣсь повсюду «далѣки усторонница, темныя залѣсица и малыя безлюдница». Еснѣ мѣста проклятыя:

«Сѣрый зайшко шуды не проскакиваетъ,
 «Малая птица не залетываетъ;
 «Извозики туда не забѣживаютъ;
 «Перехожіе калѣки не захаживаютъ;
 «Студеной зимой живетъ бездорожнице,
 «Какъ весной живетъ великое распутище;
 «У озеръ нѣтъ перегребныхъ малыхъ лодочекъ,
 «Черезъ рѣченку дубовой нѣтъ мостиночки».

Съ точки зрѣнія Киевской боярской дружины тамъ жили «мужики За-
 лѣшане»; но то были богатѣири, безъ которыхъ не обходилась и гордая
 Русь Киевская.

Колонизовать этотъ малообитаемый Сѣверовосточный край, осушить
 лѣшныя мхи и болота и на логовищахъ съѣдучихъ звѣрей создать человѣче-
 скія жилища съ гражданскимъ благоустройствомъ, — значитъ совершить
 истинно богатѣйскій подвигъ.

Неудивительно, если энергическая дѣятельность Георгія (Юрія) Долго-
 рукова, по устройству и христіанизации этого края, въ народной поэзіи
 представлена въ образѣ богатѣиры Георгія Храброго.

«Ѣдетъ онъ, Георгій Храбрый,
 «Къ той землѣ свѣтло-русской,
 «Отъ востока до запада побѣжаючи,
 «Святую вѣру утверждаючи,
 «Бесерменскую вѣру побѣдаючи.
 «Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храбрый,
 «На тѣ лѣса на темныя,
 «На тѣ лѣса на дремучіе.
 «Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 «Хочетъ онъ, Храбрый, туто пропѣриши
 «Нельзя Георгію туто проѣхати,
 «Нельзя Храброму туто подумати.
 «И Георгій Храбрый проглаголетъ:
 — Ой, вы лѣса, лѣса темныя!
 — Ой, вы лѣса, лѣса дремучіе!
 — Заросшиися лѣса темныя
 — По всей землѣ свѣтло-русской!
 — Раскинѣсь лѣса дремучіе
 — По крутымъ горамъ по высокимъ .

По его слову, Георгіеву, по его, Храброго, молешу, лѣса уступили заня-
 тое пространство, раскидались сами по крутымъ горамъ по высокимъ.

«Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храбрый,
 На тѣ горы на высокія,
 На тѣ холмы на широкіе.
 «Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 «Хочетъ онъ, Храбрый, туто пропѣрити.
 «Нельзя Георгію туто проѣхати,
 «Нельзя Храброму туто подумати.
 «И Георгій Храбрый проглаголетъ:
 — Ой, вы горы, горы высокія,
 — Ой, вы холмы, холмы широкіе,
 — Разсѣишися горы высокія
 — По всей землѣ свѣтло-русской!
 — Становишесь холмы широкіе
 — По степямъ-полямъ зеленѣющимъ .

По Божьему все велѣнію, по Георгіеву все моленію, уравнились горы и холмы, разсыпались горы по всей землѣ, становились холмы по степямъ-полямъ по зеленымъ.

«Наѣзжаетъ Егорей Храбрый
«На тѣ на моря на глубокія,
«На тѣ рѣки на широкія.
«Хочетъ онъ, Георгіи, тупо пробѣхати,
«Хочетъ онъ, Храбрый, тупо пропѣриши.
«Недѣзя Георгію тупо пробѣхати,
«Недѣзя Храброму тупо подумати.
«И Георгій Храбрый проглаголуесть:
— Ой, вы моря, моря глубокія,
— Ой, вы рѣки, рѣки широкія,
— Потеките моря глубокія
— По всей землѣ свѣтло-русской!
— Побѣгите рѣки широкія,
— Отъ востока до запада».

По Божьему все велѣнію, по Егорьеву все моленію, и моря и рѣки давали ему дорогу, протекали по всей землѣ и пробѣгали отъ востока до запада.

«Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храбрый,
«На тѣхъ звѣрей на могучихъ,
«На тѣхъ звѣрей на рогатыхъ,
«Хочетъ онъ, Георгій, тупо пробѣхати,
«Хочетъ онъ, Храбрый, тупо пропѣриши.
«Недѣзя Георгію тупо пробѣхати,
«Недѣзя Храброму тупо подумати.
«И Георгій Храбрый проглаголуесть:
— Ой, вы звѣри, звѣри могучіе!
— Ой, вы звѣри, звѣри рогатые!
— Расселись звѣри могучіе
— По всей землѣ свѣтло-русской!
— Разбѣгитесь звѣри рогатые
— По степямъ-полямъ по зеленымъ!
«И онъ, Георгій Храбрый, заповѣдаетъ
«Всѣмъ звѣрямъ могучимъ,
«Всѣмъ волкамъ рысучимъ:
— А и естъ про васъ на съѣдомое
— Въ поляхъ трава муравчаня;
— А и естъ про васъ на поилице
— Въ рѣкахъ вода спуденая».

По его ли слову Георгіеву, по его ли Храбраго моленію, разбѣжались звѣри по всей землѣ, разметались они по полямъ-степямъ, но вреда людямъ не дѣлаютъ «пьютъ-ѣдятъ повелѣнное, повелѣнное заповѣданное; только траву ѣдятъ, только воду пьютъ».

«Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храбрый,
«На то стадо на змѣиное,
«На то стадо на лютое.
«Хочетъ онъ, Георгіи, тупо пробѣхати,
«Хочетъ онъ, Храбрый, тупо пропѣриши.
«И стадо змѣиное возговоритъ:
— Али ты, Георгіи, не вѣдаешь,
— Али ты, Храбрый, не знаешь,
— Чшо та земля словомъ заказана,

— Словомъ заказана-заповѣдана.
— По той ли землѣ заповѣданной,
— Тамъ человекъ не прохаживалъ,
— На конѣ нишю не проѣзживалъ.
— Уйми ты, Георгій, своего коня ретиваго,
— Воротишься ты, Храбрый, самъ назадъ.
«Вынималъ Георгій саблю вострую,
«Начедалъ, Храбрый, на сиадо змѣиное,
«А на третій день ко вечеру
«Посѣкъ порубилъ сиадо лютое».

Жрецы-шаманы финскихъ племенъ мери и муромы, веси и чюди, перво-населенниковъ этого края, представляли то змѣиное сиадо, кое посѣкъ-порубилъ Георгій Храбрый, за то восторженно воспрѣмили его красныя дѣвы, представившелицы обитавшаго здѣсь въ маломъ числѣ русскаго племени.

«Наѣзжася онъ, Георгій Храбрый,
«На ту землю свѣтло-русскую,
«На тѣ поля, рѣки широкія,
«На тѣ высокія шерема златоверхія.
«Хочетъ онъ, Георгій, шую проѣхати,
«Хочетъ онъ, Храбрый, шую протѣрѣти.
«Какъ и шуть-ли ему, Георгію,
«Выходятъ навстрѣчу красныя дѣвицы,
«Какъ и шуть ли ему, Храброму, проглаголюютьъ:
— А тебѣ ли мы, Георгій, ожидаючись,
— Тридцать три года не спутаючись
— Съ высокою шерема златоверхаго;
— А тебѣ ли мы, Храбраго, ожидаючись,
— Держимъ народу великъ обѣтъ:
— Ошдашь землю свѣтло-русскую,
— Приняшь отъ тебѣ вѣру крещеную.
«Пріемлетъ онъ, Георгій Храбрый,
«Ту землю свѣтло-русскую
«Подъ свой великъ покровъ;
«Утверждаетъ вѣру крещеную
«По всей землѣ свѣтло-русской».

Все это великое дѣло устроения Земли Сѣверовосточной и утверждения въ ней вѣры христіанской Георгій совершаетъ съ благословенія матери своей Софьи, т.-е. христіанской мудрости.

«Государыня моя матушка,
«Святая Софья Премудрая!
«Воздай мнѣ свое благословеніе.
«Поѣду я по всей землѣ свѣтло-русской
«Утвердитъ вѣру христіанскую.
«Свѣту-Егорю матъ глаголетъ:
— Ты поди, чадо милое,
— Ты поди далече, во чистыя поля!
— Ты возьми коня богатырскаго
— Со двѣнадесяти цѣней желѣзныхъ
— И со сбурую богатырскою,
— Со вострымъ копьемъ со булатнымъ,
— И со книгою со Евангеліемъ».

Мудросінь христіанская не то, что хипрость чародѣйская, языческая: та опутывала народное сознание всевозможными страхами; всюду предносились темныя силы: лѣшіе мхи, лѣшія болота, лѣшія озера. Но вопіи Егоріи Храбрый попріорил себѣ путь по Русской землѣ, и всюду появился крестъ — сокрушитель темной силы: безстрашно и спокойно, подѣбню его, совершалось заселеніе необъятныхъ пространствъ, пугавшихъ воображеніе всевозможными лѣшими.

Въ такихъ богатырскихъ очертаніяхъ изображается народнымъ пѣснопворчествомъ (Георгіи) Юрій Долгорукой († 1157 г.), первый устроитель и колонизаторъ Сѣверовосточнаго края. Въ ряду другихъ городовъ Суздальской земли, онъ положилъ основаніе и городу Москвѣ, будущей столицѣ православнаго Русскаго Царства.

Представителемъ государственной идеи въ этомъ краѣ впервые является Андрей Георгіевичъ Боголюбскій (1175 г.).

Онъ былъ организаторъ и просвѣтитель Сѣверной Руси, которая училась молиться въ созданномъ имъ дивномъ храмѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ. Московскіе Государи, потомъ собравшіе въ своихъ рукахъ эшу Русь, заслонили собою образъ этого своего отдаленнаго предка, полагавшаго первѣе камни въ основаніе ихъ Государства. Вспомнимъ эпоть величавый и суровый образъ, мелькающій предъ нами въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ. А его естъ чѣмъ вспомнить намъ благодарнымъ воспоминаніемъ. Онъ пришелъ изъ южной Руси сюда на сѣверъ, когда здѣсь едва начинало пахнуть Русью, когда всѣ силы Русскаго народа еще работали на югѣ. Андрей былъ первымъ изъ русскихъ князей, который почувалъ, что дикіе враги не дадутъ этимъ народнымъ силамъ долго тамъ работать, что русская жизнь должна скоро оплечь подалѣе отъ степей, на берега Клязьмы, Москвы и верхней Волги. И онъ пошелъ навстрѣчу эпому опливу, подготовляя его, и принялся устроитъ русскихъ переселенцевъ въ ихъ сѣверномъ новоселѣбѣ; онъ явился распорядительнымъ хозяиномъ новой Руси въ Залѣской мужицкой землѣ, строилъ церкви, монастыри, города и села. По выраженію древней лѣтописи «на весь церковный чинъ отверзъ ему Богъ очи сердечныя, бѣль онъ для всѣхъ кормильцемъ и всякому чину любимымъ опцемъ». Онъ самъ гордился тѣмъ, что свою «сѣверную Русь городами и селами великими населилъ и многолудною учинилъ».

Онъ не только первый угадалъ, куда потечетъ русская жизнь, по указалъ и политическія начала, которыя должны руководить ея новымъ теченіемъ: одно старое религиозное, другое новое государственное. Уходя отъ своего отца изъ южной Руси, онъ не даромъ взялъ и несъ передъ собою, какъ свою путеводительницу, ту чудотворную икону, которая стала охранительнымъ знаменемъ новаго порядка, заводившагося въ сѣверной Руси. Другимъ началомъ была сильная и мудрая власть: какъ говоритъ лѣтопись «мужество и умъ въ немъ жили; правда и истина съ нимъ ходили; вторымъ мудрымъ Соломономъ былъ онъ». Первый носитель этого начала въ сѣверной Русской землѣ, онъ сталъ первымъ его мученикомъ. Тогда на Руси еще не понимали такой власти, не знали ея цѣны. Придворные люди князя Андрея, не вѣдя ея сирогости, составили заговоръ пропить него, и онъ палъ жертвою того политическаго начала, которое потомъ легло въ основаніе Русскаго Государства. Это и понятно, какъ продолжаетъ древняя лѣтопись словами отца Церкви: «гдѣ нѣтъ подвига, тамъ нѣтъ и вѣнца; гдѣ нѣтъ спраданія, тамъ нѣтъ и воздаянія; ибо всякій держащійся добродѣтели не можетъ обойтись безъ многихъ враговъ».

Вспоминая этого первого строителя и спрдальца государственнаго порядка въ сѣверной Руси народъ (особенно въ бѣвшихъ его вѣщинахъ) и донинѣ обращается къ нему съ молитвенными словами: «Ты же, Спрасно-терпче, молися ко Всемогущему Богу дати миръ мірови» ¹⁾.

Кормилица-Волга была тогда во власти поганыхъ враговъ. Здѣсь, при устьѣ Камы, царили болгары, сыны сквернаго Ахмета, а при устьѣ Оки—поганая мордва—языческое чадѣ. Тѣ и другіе народы цѣлые вѣка обладали Волгою—этимъ жизненнымъ нервомъ Руси, проникали въ Русскія владѣнія и грабили жителей. Вотъ почему всѣ политическія думы и заботы первыхъ преемниковъ Андрея были направлены на Воспочную окраину съ кормилицей-Волгой. Уже братъ Андрея, Всеволодъ, по народному прозванію «Большое Гнѣздо», ставилъ своей задачей поколебать Болгарское царство и дѣлалъ нападеніе на камскихъ болгаръ. Побѣда одержанная надъ ними въ 1182—1184 гг. произвела не только на Сѣверѣ, но даже въ Кіевѣ сильное впечатлѣніе, которое долго переживалось; множество захваченныхъ имъ плѣнниковъ сдѣлало могущество его на Волгѣ знаменитымъ. Пѣвецъ похода Игоревъ, обращаясь къ Всеволоду, указываетъ на эту волжскую побѣду и выражаетъ убѣжденіе, что если бы Всеволодъ захотѣлъ, то сумѣлъ бы отстоять и Кіевскую Русь отъ поганыхъ половцевъ, и на Дону онъ былъ бы такъ же побѣдоносенъ, какъ на Волгѣ, и здѣсь плѣнники были бы дешевы, какъ тамъ.

Такъ славно было могущество заокскаго князя Всеволода на волжскихъ водахъ. Сынъ его, Георгій Всеволодовичъ, слѣдуя завѣщанію своего отца, былъ въ постоянной борьбѣ съ камскими болгарами и приокскою мордвою и какъ цѣлзя блистательнѣе завершилъ его задачу именно тѣмъ, что положилъ основаніе Нову-граду Земаи Низовскія, какъ крѣпкому оплоту власти и могущества Руси на Волгѣ.

Во всѣхъ великихъ дѣлахъ и начинаніяхъ государственнаго созиданія въ Русской исторіи, рядомъ съ Государственнымъ властью, въ противоположность исторіи Запада, заодно дѣйствуетъ и сила Церкви. Историческое преданіе всегда закрѣплялось у насъ благословеніемъ церковнымъ. Такъ было и при основаніи Нижняго Новгорода. Великій князь Георгій, вмѣстѣ съ епископомъ Симономъ, избираетъ мѣстность для построенія города и съ его священническаго благословенія полагаетъ ему основаніе, созидая храмы: «да возсіяетъ Христова благодать надъ странами поганой мордвы и бусурманскихъ болгаръ». Такимъ образомъ, при самомъ зарожденіи Нижняго Новгорода, свѣтлая политическая идея сливалась съ святымъ чувствомъ православною вѣры; государственная мысль проникалась религиознымъ одушевленіемъ, и быть можетъ, здѣсь кроется тайна того высокаго патріотизма и той благочестивой отзывчивости, которые не разъ и съ такою поразительною силою проявлены въ нашей исторіи сынами Нижняго Новгорода, попомками первыхъ гражданъ великаго князя Георгія Всеволодовича ²⁾.

На Какаѣ разъ навсегда рѣшилась судьба Кіевской Руси. Явилась сила татарская, а подъ нею погибла Русь богатырская. Погромъ коснулся и Руси Суздальской. На берегахъ Сити снята была голова и съ Георгія Всеволодовича, которую съ трудомъ потомъ отыскали. Казалось, погасла свѣча

¹⁾ Изъ рѣчи, произнесенной мною во Владимірѣ на Клязьмѣ, на торжественномъ актѣ, 29 септ. 1891 гсдъ по случаю рещаврарціи Владимірскаго Успенскаго собора.

²⁾ Изъ моей рѣчи въ день чествованія семисотлѣтней памяти основателя Нижняго Новгорода вел. кн. Георгія Всеволодовича († 1189—1889 гг.).

государственная. Новые возникшие здесь политические центры склонили свои головы предъ Золотой Ордой и въ своихъ усобицахъ другъ передъ другомъ искали милостей ханскихъ. Князья размножились, уединились и вмѣсто единого Государства, появились малыя и большія, богатія и убогія вѣщинны, у коихъ была лишь одна цѣль—«сдѣлатьны зѣлы хлѣбушки и сытыя гостинища».

Но вопрь въ Москвѣ, ничтожномъ городкѣ, основанномъ, какъ выше сказано, Юріемъ Долгорукимъ, зародилось и постепенно возрастало Русское великое Царство. Географическое ея положеніе и захваченная ею рѣка Москва содѣйствовали ея заселенію и торговымъ связямъ, но совсѣмъ не это возвысило ее въ глазахъ народныхъ массъ и не это сдѣлало ее нравственнымъ и политическимъ центромъ Россіи. Народныя прозвища, усвоенныя первымъ Московскимъ князьямъ, указываютъ на главныя ихъ стремленія: Иванъ Калита (1328—1341 гг.) (Кохель) собиралъ матеріальныя средства и расширилъ предѣлы своего удѣла, а сынъ его Симеонъ назывался Гордый (1341—1353 гг.), ибо опираясь на богатство и силу, держалъ въ рукахъ подручныхъ князей. Въ завѣщаніи своемъ онъ напоминалъ своимъ преемникамъ блюсти намѣченный имъ путь, чтобы памянь о нашихъ отцахъ, говорить, и о насъ не изгладилась и чтобы свѣща не погасла, т.-е. единоедержавная идея не поухала. Народная пѣсня сохранила преданіе о крупномъ и державномъ характерѣ его даже въ собственной семѣ.

«Сидѣлъ путь Симеонъ-Государь:

«Онъ играетъ въ цимбалы золотыя.

.....

«Пододвину Анна послушала,

«Отодвину она заплакала:

«Какъ привыкла къ обычью Симеонову,

«Ко низшему праву Ивановичу».

Мы не говоримъ уже объ его братѣ Иванѣ Красномъ (1353—1359 гг.), о которомъ народная памянь сохранила лишь то, что онъ былъ «красавецъ».

Своимъ нравственнымъ и вмѣстѣ политическимъ возвышеніемъ Москва обязана главнымъ образомъ вліянію церковному. Св. Пейръ митрополитъ перенесъ свой святиТЕЛЬскій престолъ изъ Кіева въ Москву и черезъ то сдѣлалъ ее прежде всего столицей православія и устремилъ взоры всѣхъ разрозненныхъ областей на нравственный образъ великаго Московскаго князя какъ представителя всенародной русской вѣры. Онъ благословилъ Москву и предсказалъ ея князю, что «отъ его племени не оскудѣютъ державныя и вздуютъ руки ихъ на плещу враговъ ихъ». И этотъ крестъ животворящаго древа, которымъ онъ благословилъ, Московскіе князья, въ родѣ Калиты, преемственно передавали другъ другу по своимъ завѣщаніямъ, какъ драгоценное наслѣдіе и историческую святыню.

Но еще глубже и всеобъемлюще была дѣятельность въ этомъ направленіи митрополита Алексія, изъ знатной боярской семы Плесевыхъ. Главнымъ орудіемъ былъ для него преподобный Сергій Радонежскій и его иноческая школа. Несмотря на то, что Московскому князю Дмитрію Ивановичу было не больше 10 лѣтъ, владыка Алексій, пользуясь уваженіемъ въ Ордѣ укрѣпилъ за нимъ великое княжество и дѣйствовалъ неизмѣнно въ его пользу своимъ авторитетомъ. Изъ обители Сергіевой ученики разошлись въ предѣлы Суздальскіе, Ростовскіе и Бѣлозерскіе. Въ отдаленныхъ углахъ сѣверо-востока появились колонизаторы и просвѣтители, кои, находясь въ жи-

вомъ общеніи другъ съ другомъ, представляли собою цѣлый нравственно-власный міръ, къ коему обращены были взоры не только сель и деревень, но и городов и областей. И міръ этотъ, въ лицѣ иноковъ, состоялъ изъ бояръ, клириковъ, купцовъ и крестіянъ. Дмирій Донской, цѣня значение эпихъ людей, со многими входилъ въ непосредственныя сношенія и оказывалъ такое вниманіе, коему дивились окружающіе. Народный взоръ опять міра эпихъ подвижниковъ невольно устремлялся къ великому князю Московскому и видѣлъ въ немъ блюстителя народной вѣры и ревнителя благочестія. Монастыри и пустыни, основанныя учениками преподобнаго Сергія въ лѣсахъ и дебряхъ, становились такимъ образомъ узлами, связывавшими нравственно области съ Москвою и выдвигали Московскаго князя, какъ носителя и представителя народной вѣры.

Съ другой стороны въ силу того же значенія Московскаго великаго князя возникло сосредоточеніе въ Москвѣ нравственныхъ силъ изъ дальнихъ угловъ и краевъ Россіи, изъ предѣловъ липовскихъ, гдѣ вѣра и совѣсть переплелись сплѣсненіе. «Въ то время,—читаемъ въ одномъ житіи,—Кіеву обладану бывшу богомерзкою латыною, мнози тогда духовнии мужи отходятъ отъ Кіева, а касающіея нреловущаго града Москвы, слышано бо бѣ, яко тамо подъ державою великаго князя, непоколебимо и непорочно блюдеица благодати Христоваго христіанская православная вѣра»¹⁾.

Въ силу этого нравственного стягоишнія, Москва во всенародномъ сознаніи выросла настолько, что сполна подняла ей знамя освобожденія отъ поганыхъ православнаго крестіянства, чтобы подъ нимъ собралась вся сѣверовосточная Русь на этотъ крестноносный подвигъ.

И чѣмъ тяжелѣе была вѣковая «исхома» отъ татарскаго ига, тѣмъ всеобдержнѣе и горячѣе ощущалась потребность облегченія и освобожденія.

А исхома была такова, что отъ нея «хлѣбъ не шель во уста и, казалось, сполна самая земля». Какой ужасъ производили въ свое время татарскія нашествія, объ этомъ сообщаетъ былина о царѣ «Калинѣ».

«Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
 «Зачѣмъ не разступится?
 «А отъ пару было отъ коннаго,
 «А и мѣсяцъ, солнце померкнули,
 «Не видавъ луча-свѣта бѣлаго,
 «А отъ духу татарскаго
 «Не можно крещенымъ намъ живымъ бытъ».

Какъ хозяйничали татарскіе послы, это видно изъ былинъ о Щелканѣ Лудентьевичѣ:

«У кого денегъ нѣтъ,
 «У того дитя возьметъ;
 «У кого дитя нѣтъ,
 «У того жену возьметъ,
 «У кого жены нѣтъ,
 «Того самого головой возьметъ».

Но вопль часть для освобожденія наспалъ: великая замятня въ Ордѣ. «Божимъ бо глѣвомъ попускаемы избиваюиися», кратко и знаменательно отпѣпиль лѣнописецъ.

¹⁾ Въ житіи Стефана Махрицкаго.

На полѣ Куликовѣ совершился судъ исторіи. Не «слава князю, не честѣ дружины двигали Русской силой въ этомъ бою: глубокое смиреніе и крѣпкая вѣра въ Бога начертанія были на знамени русскомъ». Князья Суздальскіе, Ростовскіе и Бѣлозерскіе, слѣдуя тяготивніямъ народной массы къ единенію и свободѣ, стояли подѣ московскимъ знаменемъ Донского. Великій пустынникъ Сергіи благословилъ Дмитрія пойти на папашъ, напустивъ на обѣтомъ, что Богъ ему поможетъ и Св. Троица, и первѣмъ героемъ Куликовской славы былъ Сергіевъ оружникъ, схимонахъ Александръ Пересвѣтъ. Побѣда надъ врагами на полѣ Куликовомъ одержана неслыханная: она тогда же называлась «всеславнымъ чудомъ». «Отступило время отъ нихъ; Господь съ нами», воспорженно отпѣпиль дѣпоисецъ.

Москва увѣнчалась новѣмъ величѣмъ, насколько это великое дѣло было «всенароднымъ». Великій князь Московскій, какъ герой этого побоища, выросъ въ народномъ сознаніи, какъ великій стоятель за вѣру и свободу всей земли Русской, какъ князь спростошперецъ, прославленный самимъ Богомъ: «Господь Богъ одинъ вожаще его». «Умоли убо, Святѣ, о родѣ своемъ и за вся люди», обращались къ нему современники.

Вопъ въ какой глубоко-образной и необыкновенно-поэтической картинѣ рисуется Дмитрій Донской.

«Наканунѣ субботы Дмитріевской
«Во соборѣ во Успенскомъ,
«Обѣдню пѣлъ Кипріанъ святой.
«За обѣдней былъ Дмитрій князь
«Со благовѣрною княгиней Евдокією,
«Со князьями ли, со боярами
«Со тѣми со славными воеводами.
«Передъ самой то было передъ «Достойной»,
«Пересталъ князь Дмитрій молиться.
«Ко столбу прислонился,
«Умомъ князь Дмитрій изумился,
«Открылись его душевныя очи,
«Видитъ онъ дивное видѣше:
«Не горятъ свѣчи предъ иконами,
«Не сияютъ камни на златыхъ окладахъ,
«Не слышитъ онъ пѣнія святого,
«А видитъ онъ чистое поле,
«То ли чистое поле Куликово.
«Изумлено полс мершными тѣлами
«Христіанскими да татарскими:
«Христіане-то какъ свѣчки тѣпаясь,
«А татары-то, какъ смола, черны.
«По тому ли по полю Куликову,
«Ходитъ сама Матъ Пресвятая Богородица,
«А за ней Апостолы Господни,
«Архангелы, Ангелы святыи,
«Со свѣтлыми свѣщами,
«Отпѣвають они мощи православныхъ,
«Кадитъ на нихъ сама Матъ Пресвятая Бого-
родица,
«И вѣнцы съ небесъ на нихъ сходящъ.
«Вопросила Матъ Пресвятая Богородица:
— А гдѣ-жъ да князь Дмитрій?
«Отвѣтила ей Петръ Апостолъ:
— А Дмитрій князь въ Московскомъ градѣ,
— Во святомъ Успенскомъ соборѣ,

— Да и слушаешь обѣдню полуденную.
«И рече Мать Пресвятая Богородица:
— Не въ своемъ Дмитрій князь мѣстѣ:
— Предводишь ему лики мучениковъ,
— А его княгинѣ во моемъ стадѣ.
«Тутъ явленіе пропало:
«Свѣчи въ храмѣ загорѣлися,
«На окладахъ камни засіяли».

Итакъ, по народному воззрѣнію, герою Мамаева побоища нѣтъ мѣста на землѣ: ему достопитъ предводительство надъ небесными ликами мучениковъ: его воины, погибшіе въ праведномъ бою за Вѣру и Родину, увѣнчаны неземными, небесными вѣнцами; ихъ жертва яркою свѣчею теплилась предъ Богомъ. Наконецъ, вся эта торжественная побѣда превращается въ одно великое чудо. Таковъ многозначительный приговоръ народа: эпитъ приговоръ есть высшее возможное для него преклоненіе предъ совершившимся фактомъ его исторической жизни.

Змѣй Орды оспался еще живъ, но жало его отнынѣ прицуплено навсегда. Онъ могъ еще клеветать, но лишь внезапно и исподтишка. Рога буйвола сломенны; хотя онъ и продолжалъ бодаться, но то было уже не страшно. Русский народъ почуялъ себя свободнымъ и безспарнымъ.

Въ 1383 году послѣдовало новое утѣшеніе неба въ народныхъ скорбяхъ: въ небесномъ сіяніи, надъ Ладожскимъ озеромъ явилась икона Богоматери, отсюда пронеслась по воздуху и остановилась надъ Тихвинымъ. Громадное впечатлѣніе произвело это явленіе на народныя массы и принято ими какъ новое благословеніе свыше на чело Куликовского героя.

Нравственное приращеніе къ Москвѣ народной массы, при посредствѣ троичскихъ пустынниковъ, разсѣявшихся по всему сѣверовостоку, и возвышенный авторитетъ Московскаго князя, какъ вождя православнаго народа, не мало содѣйствовали и внѣшнему политическому объединенію Московскаго Государства. Начатое Димитріемъ Донскимъ это собираніе земель завершилось при Іоаннѣ III. Всего легче Москвѣ получить было Ярославль и труднѣе всего подчинить было ей Новгородскую республику.

Достойно вниманія, что правнукъ Феодора Ростиславича, Александръ Феодоровичъ былъ послѣднимъ Ярославскимъ княземъ. При немъ былъ прославленъ прадедъ его Феодоръ Ростиславичъ съ чадами и при немъ же совершилось окончательное присоединеніе Ярославскаго княжества къ Московскому Государству. Извѣстно, что Москвою Ростовъ былъ купленъ, Тверь была завоевана, Рязань была захвачена главнымъ образомъ путемъ родственныхъ союзовъ. Ярославль же подчинился Москвѣ въ силу нравственныхъ и политическихъ принциповъ.

Въ ту пору, когда на княжескомъ сплѣхѣ въ Ярославлѣ сидѣлъ правнукъ Феодора Ростиславича, Москва выросла уже такъ, что борьба съ нею становилась немислимою, главнымъ образомъ по тому нравственному авторитету, какой она приобрѣла въ народной массѣ. Начиная съ Петра митрополита, церковъ вступила съ нею въ союзъ и поддерживала ее стремленіе къ объединенію. Куликовская битва, какъ мы изобразили выше, носившая священныя характеръ, явилась громаднымъ оживляющимъ и ободряющимъ фактомъ,—фактомъ, который рабу далъ почувствовать себя свободнымъ.

Школа Сергія Радонежскаго, распространившая учениковъ подвижничества и пустынниковъ по всѣмъ дебрямъ и лѣсамъ Сѣвера, нравственнымъ

вліянієм притянула къ себѣ и чрезъ себя къ Москвѣ, какъ всероссійскому духовному центру, финскія племена и всенародную массу.

Естественно, что все это видѣлъ и понималъ послѣдній Ярославскій князь Александръ Θεодоровичъ. Какъ правнукъ Θεодора Ростиславича, онъ носилъ въ душѣ своей преданіе своего Дома. Умирая, святой прадѣдъ его далъ завѣщъ своему потомству: «живите въ единствѣ мира и союзѣ любви; еще кто изъ васъ не соблюдетъ моего слова, опъ того опъдетъ мое благословеніе».

Но особенно громадное впечатлѣніе должно было произвести на внутреннее настроеніе князя Александра открытіе мощей его прадѣда. Когда гробъ Θεодора Ростиславича, много лѣтъ стоявшій подѣ церковно, хотѣли опуститъ въ могилу и схоронитъ его въ сырой землѣ, вдругъ вѣра въ него свершила чудо. Можно себѣ представитъ, какими живыми чувствами была охвачена въ эти минуты душа князя-правнука. Не только самъ онъ, а и духовенство и боярство были объяты священнымъ трепетомъ и восторгомъ, проливали слезы умиленія, воздѣвали руки къ небу и восклицали: «слава Тебѣ, Владыко, Царю прещедрый, что не лишилъ еси насъ такого сокровища!» Народъ, узнавшій о случившемся, массою двинулся въ Ярославскій Спасскій монастырь, чтобы поклонитъ новоявленнымъ чудотворцамъ.

Возможно ли думать, чтобы князь Александръ Θεодоровичъ, жившій благочестивымъ предшестъ своего рода, пережившій сердцемъ и всею душою прославленіе самимъ небомъ своего прадѣда — Θεодора Ростиславича, не носилъ въ душѣ своей расположенія къ Москвѣ, къ всенародному и всероссійскому, нравственному и духовному центру? Возможна ли была въ его положеніи даже одна мысль о борьбѣ съ Москвою за какія-то въ то время уже незначительныя права наслѣдственныя?

Особое обстоятельство еще болѣе привлекало его сердце къ Москвѣ, какъ къ церковному и политическому центру.

Мѣстная епархіальная властъ не хотѣла или колебалась признатъ за святыхъ его прославленныхъ предковъ.

При внутренней о томъ скорби, ему, естественно, пришлось искать утѣшенія въ Московскомъ Кремлѣ. Нѣтъ прямого о томъ письменнаго свидѣтельства, но извѣстно, что супруга князя Александра Θεодоровича собственными руками вышила пелену съ изображеніемъ Θεодора Ростиславича и чады его Давида и Константина и принесла ее въ даръ Москвѣ первопрестольной.

И дѣйствительно, мы видимъ, что даже въ XVI вѣкѣ свѣжо было народное преданіе о Θεодорѣ Ростиславичѣ въ Московскомъ Кремлѣ. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, въ своей перепискѣ съ Курбскимъ, упоминалъ, что Θεодоръ даже въ Пасху проливалъ кровь для зашиты Государства, но это не помѣшало ему сдѣлаться святымъ и чудотворцемъ. Любопытно, что знопъ фактъ о пролитіи имъ крови въ Свѣтлый день Пасхи нигдѣ не упоминается въ историческихъ источникахъ; очевидно это было преданіе, жившее въ Московскомъ княжескомъ домѣ, и заимствовано изъ какой-либо пѣсни или сказанія, полного уваженія къ Θεодору Ростиславичу и какъ къ герою и какъ къ святому. Народная пѣсня издавна славилъ его какъ святого:

«Во славномъ во градѣ Ярославѣ,
«На чесномъ на княжескомъ престолѣ,
«Сидѣлъ свѣтъ—святой Θεодоръ,
«Богатыхъ и славныхъ не стѣдился,
«Нищихъ и убогихъ не гнушался»¹⁾.

¹⁾ Изъ рѣчи, сказанной въ Ярославѣ, на торжественномъ актѣ въ честь князя Θεодора Ярославича.

Неудивительно, что при таких обстоятельствах на одномъ изъ Московскихъ соборовъ Θεодоръ былъ причисленъ къ лику святыхъ всероссійскихъ.

Итакъ, Ярославъ добровольно присоединился къ Москвѣ потому, что въ лицѣ правнука Θεодора Ростиславича, князя Александра, онъ лучше другихъ понималъ всенародное и всероссійское значеніе ея, какъ нравственнаго церковно-государственнаго центра. «Ярославъ городокъ сталъ Москвы уголокъ».

Но не такъ легко совершилось присоединеніе къ Москвѣ Великаго Новгорода. Разъединенный республиканскою парпійностью, обезсиленный внутри, онъ долженъ былъ для поддержанія своего существованія искать поддержки извнѣ, и если люди простые съ русскою совѣстью тянули къ Москвѣ, какъ центру православія, то знатные бояре, думавшіе только о своихъ волюностяхъ, искали для нихъ поддержки у Латинской Липвы.

Послѣ разгрома Новгорода Василиемъ Темнымъ усилились эти послѣдніе замыслы. Въ ряду бояръ липвоманіей заражена была особенно семья Борецкихъ, семья богатая, обладавшая широкими земельными пространствами на Поморскомъ Сѣверѣ, въ сосѣдствѣ съ Соловецкими угодьями. Знаменитая Марѳа-посадница давала пиры, ликовала Новгородская вольница, а Соловецкій спарецъ Зосима, видя среди нихъ оскудѣніе православнаго чувства, предвидѣлъ ожидавшую ихъ конечную гибель.

«Не могу разработать ейнаго родесловія,—говорилъ намъ Иванъ Θεодосовъ, по-естъ разскажутъ во всѣхъ подробностяхъ жизнь Марѳы-посадницы,—а знаю только, что домъ ея запустѣлъ отъ того, что пало на главу ейную проклятіе Изосимы преподобнаго Соловецкаго чудотворца». Однако Θεодосовъ сообщилъ нѣкоторые любопытныя черты, относящіяся къ ея характеру и положенію ея среди Новгородскаго такъ называемаго народоправства. Паденіе Новгорода въ его разсказѣ, конечно, объясняется эпически, какъ Божья кара за неправду и кривду народныхъ правителей. Присутствіе Изосимы Соловецкаго на обѣдѣ у Марѳы-посадницы и видѣніе сидѣвшихъ съ нимъ бояръ безглавыми было столь общезвѣстно въ народѣ, что внесено даже въ житіеиный Соловецкихъ чудотворцевъ, хотя и не въ столь опредѣленныхъ очертаніяхъ.

«Марѳа-посадница славна была пирами да пирогами; хлѣбъ, соль на столѣ, вино и брага на подносѣ; пей, бѣшъ, веселися, только ея слушайся, а Бога она не знала и святые ей нипочемъ. Во великую Софею ходила, а гордую поступь держала и выше всѣхъ себя почитала. Соловецкая Сума подъ рукой ея была, и держала она крестъянъ у себя, и правила ими, какъ своей рукавицей.

«Жилъ на этой Сумѣ угодникъ Божій Изосима, родомъ изъ Толуи, но людно ему было. Переѣхалъ онъ на Соловецкій островъ—и вотъ первое было чудо. Сталъ онъ тамъ просить у ловцевъ честно и хорошо: «Рыболовы, дайте мнѣ сей островъ на житіе». Рыбари не соглашались; «не можемъ дать, говорятъ; намъ это мѣсто пристойно для рыбной ловаи». Проситъ Бога неопуступно Изосима, и вопль Богъ съ неба гласъ гласитъ слугамъ своимъ, по его молению: «накажите вы женъ этихъ рыболововъ и сдадутъ рыбное мѣсто Изосиму». И два мужа свѣтлообразны были эти женъ до кровавыхъ ранъ. И рыбари согласились сдать мѣсто Изосиму. И началъ онъ путь житіе расширять. Вотъ и иное еще чудо. Въ Займищѣ на Соловецкомъ острову остался братъ Изосимы, по пломъ Германомъ зовутъ; въ вечеру хлѣба нѣтъ, а спало зимѣтъ. И вотъ проситъ онъ хлѣба у Бога.

Поутру выходить на улицу: стоить кережка¹⁾ съ хлѣбомъ у вратъ его келби. Елико Германъ возрадовался: «слава Тебѣ, Господи», воскликнулъ онъ и пѣмъ могъ онъ зиму жити.

«И вотъ сей святой старецъ, такъ прославленный Богомъ, Изосима приходитъ, по гласу Божью, къ Марѣ-посадницѣ въ Новгородъ. Бояра и князи собраны у ней, по ея хощенію. Марѣ-посадница елико обрадовалась гостію съ подѣвверной споронь: «откуда, говоритъ, мнѣ счастье великое? Кто послалъ тебя, богобоязненный старецъ, откуда, говоритъ, далъ Богъ ангела хлѣба покунати?» Старецъ Изосима поясняетъ и благославляетъ ее въ своемъ домѣ. «Богъ тебя благословитъ и Божья благодать да на тебѣ будетъ!» Марѣ-посадница зоветъ его на обѣдъ: «пища у меня на столѣ набраная, и князи и бояре вкупѣ собраи, благослови, опче, пицу ѣсть и пити». И благословилъ Изосима Соловецкій пицу сію вспѣ и пити. Сидяи на пиру всѣ князи и бояра, ѣдятъ они—наѣдаются; пьютъ они—напиваются, разговорами забавляются. Сидитъ Изосима, припаиася въ переднемъ уга; подиалъ онъ главу свою честную, воззрѣлъ онъ окомъ своимъ яснымъ на эвшихъ гостей на пишущихъ: вси-то они безъ головъ сидятъ, не виномъ-то они напиваются, они кровью вси обливаются.

«Возскорѣлъ старецъ и отъ туги прослезился: жалъ ему стало князей и бояръ, жалъ ему стало Великаго Новгорода. Отобѣдали и начали благодаритъ Марѣ-посадницу за благо ея—за добро. Тутъ подходитъ къ ней старецъ Изосима и умильно ей возговоритъ: «ай-же, ты раба Божья, Марѣ-посадница: благослови ты мнѣ Соловецкую Суму къ Соловецкому острову на страннѣхъ прибѣжище, убогихъ пропитаніе и брати на спасеніе». Тутъ отвѣтъ держала Марѣ-посадница: «не могу дати Сумы Соловецкой, Сума мнѣ самой надо-бъ». И жалъ ей стало Сумы Соловецкой; не рада была она великому гостю и поскупила она для Ангела Божья. И видитъ Изосима, что «кривда сидитъ въ Новгородѣ, а правда на небо взята». И скажетъ онъ послѣднее слово: «отъ моего здѣсь быванія домъ сей Марѣ-посадницѣ быдъ пустъ, и въ жилищѣ этомъ живой человекъ не живи!» Такъ и стало по слову его. «И поемъ Тебѣ славу Божию», закончилъ сказатель.

Это эпическое сказаніе весьма характерно для новгородскаго боярства. Оно проглядѣло, что новгородскія колоніи, обонежскія и поморскія, уже давно своею совѣстью тяготеютъ къ Москвѣ, какъ церковно-государственному центру, и если Новгородъ уклонялся отъ Москвы къ Литвѣ, то онъ дѣлалъ себя чрезъ это безсильнымъ и одинокимъ, лишая себя поддержки собственныхъ колоній. И въ страшныхъ Новгородскихъ погромахъ со споронь Московскихъ собирателей Руси тѣ же самыя колоніи видѣли достойное возмездіе за измѣну и предательство. Новгородъ до дна испилъ свою чашу за измѣну вѣрѣ и политическую кривду.

Замѣтимъ, что какъ и при Димитри Донскомъ, и нынѣ многіе православные князья, не желая оставаться подъ властью Литвы, изъ ревности къ православію, съ громадными вотчинами по Днѣпру и Деснѣ, сами спѣшили подъ власть великаго Московскаго князя.

Велика и обширна стала вотчина Московскихъ Государей; необъятно стало ихъ значеніе, какъ носителей и представителей единства всенароднаго русскаго духа. Но міровыя событія еще болѣе подняли ихъ власть и возвысили ее до вселенскаго значенія.

¹⁾ Корзина.

Замѣчательно, что въ 1439 году Московскій великій князь, отправляя на флорентинскій соборъ митрополита Исидора, пребывавъ отъ него, чтобы онъ принесъ съ собора по православію, какое князь Кіевскій Владиміръ принялъ отъ грековъ, то-есть чтобы описовалъ онъ Русскую православную вѣру.

Еще когда собирався онъ во Флоренцію, «возбранихомъ и молихомъ его,—говорилъ великій князь,—оставити сего собора, и не могахомъ умолиши... и глаголахомъ ему: «аще ли идеши и паки возвратишися къ намъ, ничто же приноси къ намъ пово и чужде Соборныя Церкви». Самъ Греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ, по русскому сказанію объ этомъ соборѣ, торжественно указывалъ Западнымъ и Восточнымъ іерархамъ и самому Римскому папѣ, что «въ Руси большее православіе и вышеішее христіанство, и попому называлъ Московскаго великаго князя своимъ братомъ и величалъ его Царемъ боговѣнчаннымъ: «Ему Великому Государю Василію Василевичу,—говорилъ онъ,—восточныя царіе прислухаютъ и велице князи съ землями служатъ ему; но смиренія ради не зовется Царь, а великимъ княземъ своихъ земель православія».

Восточными императорами и паппіархами Флорентинская унія была принята, но возвратившіися въ Москву уніатъ митрополитъ Исидоръ былъ признанъ здѣсь измѣнникомъ православію и почасти лишенъ былъ Московскаго престола: «яко гнилъ убо удъ извержеса».

Сильное смущеніе умовъ произвели эти событія на Востокъ и у насъ.

Переписка Василія Темнаго съ Востокомъ по поводу сего событія въ высшей степени замѣчательна.

«Увы! Колика прелестъ постиже царя Греческаго, — писали на Русь, великому князю Аѳонскіе иноки.—Увы! Колика тѣма и туга постиже царствующій градъ и церковь соборную злосовѣтіемъ влатель и неисповѣхъ свѣпитель!.. И хто убо, во всемъ родѣ другіи іеремія, уже тогда о паденіи людей слезы проливалше, достойнѣ да восплачетъ греческаго паденія, юже поспрада дьявольскимъ навожденіемъ... И мы убо, любимицы, того паппіарха и царя изъ обычна помяна извергохомъ... Слышахомъ отъ инокъ, яко и вы крѣпцѣ сохраняете вѣру непорочную отъ семи соборъ Богомъ составлену и того (Исидора уніата) волка, а не свѣпителя... онъ средѣ себе и спада Христова изринувше, яко сквернишея непорочныя вѣры и смущишея православнымъ христіаномъ».

«Зѣло прославихомъ Бога, какое спе крѣпцѣ спомте въ предаінномъ отъ апостолъ православіи», отвѣчалъ имъ Московскій великій князь и указывалъ въ свою очередь, какое смущеніе произвелъ этотъ соборъ въ Россіи.

«И у насъ,—продолжалъ онъ,—души многихъ, яко волны морскія колеблюцися, паче же сердца простѣхъ (людей) недоумѣвахуся... не доспойно сей соборъ нарицани, но дѣтей игралище... и той самѣи споданъ (Самодержецъ царствующаго града), зланоумъ пореваемъ, поколебася, и воистину глаголемъ, что естъ лютише сего паденія!»

«Тамо злу бывшу Царемъ Иваномъ сребролюбивыми греками и митрополитами,—чипаемъ въ упомянутомъ Сказаніи,—здѣ же, на Москвѣ, утвердися православіемъ Русская земля великимъ княземъ Василіемъ Василевичемъ».

Еще болѣе подавляющее впечатлѣніе произвело у насъ паденіе Константинополя въ 1453 году. Оно, какъ видно изъ тогдашней письменности, объяснялось именно измѣною православію Греческихъ царей и паппіарховъ. «Гре-

ческое царство, писалъ инокъ Филофей къ дьяку Мисюру, раззорилось и не созиждется, понеже греки предади греческую вѣру въ латинство».

Царское (Цесарское-Императорское) достоинство, созданное политическою жизнью властителей міра, римлянъ, было достояніемъ православнаго христіанскаго государя, которому принадлежало покровительство Вселенской Церкви и который въ этомъ качествѣ получалъ отъ нея высшее религиозное освященіе.

Такимъ царствомъ для всего православнаго Востока прежде была Византійская имперія. Но вотъ она пала сначала духовно чрезъ Флорентинскую унію, а потомъ и вслѣдствіе того политически. Кто же наследникъ царственного достоинства Византіи, Царяграда и новаго Рима?

«Нѣтъ убо въ послѣднихъ временахъ, богопросвѣщенная земля Русская, — воспорженно восклицаетъ авторъ Слова объ осѣмъ соборѣ, — шебѣ подобаетъ во вселенной и подѣ солнечнымъ сіяніемъ, съ народомъ истиннаго въ вѣрѣ православія радоватися, наполнившись цвѣтовъ богозрачнѣ цвѣтущихъ храмовъ Божіихъ и, какъ звѣздъ небесныхъ сияющихъ святыхъ церквей... державою владѣющаго, богосhestвенника правому пути, ревниателя истиннаго православія, благовѣрнаго и благочестиваго великаго князя Василія Василевича, боговѣнчаннаго православію всея Руси».

Итакъ, Царство съ Византіи должно было перейти на Москву. Два Рима пали; стоить лишь претій, и послѣдній Римъ это именно Москва.

Есть мнѣніе у новѣйшихъ историковъ, будто поняшемъ Самодержавія выражалось не больше, какъ независимость Руси отъ бывшаго татарскаго ига, и будто другаго смысла отнюдь не дается этимъ понятіемъ. Но такое мнѣніе, на нашъ взглядъ, противорѣчитъ исторической истинѣ. Разъ русской исторіей унаслѣдовано Восточное Цесарство, вмѣстѣ съ нимъ существенно воспринято и автократорство. Гдѣ нѣтъ Верховной воли, тамъ нѣтъ и Цесарства. А гдѣ есть Царь, тамъ есть и Самодержецъ. «Какъ можетъ и Самодержецъ нарецися, аще не самъ строитъ», заявилъ Грозный. Само собою разумѣется, что лишь только та священна и непрекаема Самодержавная воля, которая связана существенно съ строеніемъ царства христіанскаго, православнаго. Истинный Самодержецъ (автократоръ) есть Царь—строитель православнѣйшій и благочестивѣйшій.

Этотъ именно священный характеръ Верховной Государственной власти и сближаетъ Царя съ Намѣстникомъ Божіимъ на землѣ, воля котораго сливается съ волею Божіею; такъ именно воспомнѣныя политическія событія отразились во всенародномъ русскомъ сознаниі и на его представленіяхъ о Русскомъ православномъ Царствѣ и русскихъ православныхъ Царяхъ. Греческія моленія объ автократорѣ спали и русскіи моленіями о своихъ Самодержцахъ.

Первымъ Самодержцемъ въ этомъ значеніи былъ Іоаннъ III. Хитрые замыслы папы оказались наивными. Женившись на Греческой царевнѣ Софіи, погасавшей отрасли Греческихъ императоровъ, Іоаннъ не только не няготебѣлъ къ папству, но самъ почувствовалъ себя Восточнымъ папою. Именуя себя «Государемъ всея Руси», онъ являлся ревностнымъ защитникомъ православія въ Липовѣ, гдѣ подвергалось оно гоненіямъ. Выдавая дочь свою за Липовскаго князя, онъ не только выговорилъ ей право свободнаго исповѣданія греческой вѣры, но даже заявилъ, что она и «своею волею не можетъ отказатся отъ вѣры онцевъ». Но радуя за вѣру, онъ не особенно уважительно относился къ представителямъ Церкви. Онъ вноргался, напимѣръ,

въ вопросы о чинѣ освященія Церкви—и мишпополишь, съ нимъ несогласный, долженъ былъ оставишь кафедру, что очень ярко отмѣчено въ народной спарообрядческой письменности.

О королевскихъ же коронахъ и пипулахъ, кои западные императоры раздавали своимъ вассаламъ, онъ отзывался уже съ нескрываемымъ презрѣніемъ. «Мы Государи на своей землѣ,—говорилъ онъ Цесарскимъ посламъ, предложившимъ ему королевскій титулъ отъ имени Максимиліана,—и поставленія ни отъ кого не хотимъ, потому что нашъ Государь,—добавили попомъ дипломаты,—такой же Великій Государь, какъ и Максимиліанъ». Бракъ съ царевной Софіей еще болѣе укрѣплялъ его думы о Русскомъ Царствѣ, какъ преемникъ Византійской имперіи. Онъ воспринялъ Греческій двуглавый гербъ, вѣнчалъ внука своего на Царство, самъ называлъ себя иногда Царемъ, и дворъ свой обставлялъ по-царски. Боярская дума въ глазахъ его видимо получила второстепенное значеніе и хотя продолжала дѣйствовать, но съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

Было время, когда на Руси предавали церковному проклятiю тѣхъ, кто не повируется Великой Церкви «еже естъ Софiи Премудрости Божией Папiарху, еже естъ во всей вселеннѣй православнѣмъ церквамъ правило и мапи», но вошъ сынъ Софiи Палеологъ, Московскiй великiй князь Василiй Ивановичъ, вноситъ уже пунктъ въ архіерейскую присягу, которымъ архіерей обязывается не принимать никого, принявшаго священныи санъ отъ папы или въ Цареградѣ, и не признавать эпiопъ санъ законнымъ. По словамъ иностранцевъ, русскiй народъ въ это время уже равнялъ Царскую власть съ Божественною и о Верховномъ управленiи говорилъ: «про то знаетъ Богъ да Государь». Продолжая государственное строительство своего державнаго опца, онъ велъ его «у своей постели», т.-е. кабинетно при посредствѣ только дьяковъ. Боярская Дума молчала и негодовала.

Въ сношенiяхъ съ Максимиліаномъ онъ рѣшился даже назвать себя «цесаремъ», но въ Вѣнѣ отказались подписать такой договоръ. Какъ скоро разводъ его съ Соломонѣй Сабуровой былъ признанъ не каноничнымъ Васіаномъ Патрикѣевымъ и Максимомъ Грекомъ, Московскiй «цесарь» пожаловалъ ихъ жестокой опалой. Таково было его отношеніе къ канону и Церкви. На Сѣверѣ народъ помнитъ объ этомъ обстоятельстве и даже, вопреки истинѣ, съ жалѣніемъ указываетъ мѣсто записанія несчастной Соломоніи въ одномъ изъ Олонецкихъ монастырей. Быть можетъ, она и дѣйствительно была переведена сюда изъ Суздаля, куда сослана была сначала.

Не въ Кремлевскомъ только дворцѣ, не въ сознаниі только великихъ князей Цесарство и автократорство основалось на преемствѣ Русскимъ Царствомъ Византійской имперіи. Въ житiяхъ Русскихъ Святыхъ съ половины XV вѣка настойчиво проводилась та мысль, что Русская земля—прямая и единственная наслѣдница православнаго Греческаго христіанства и что хотя она недавно сподобилась святаго крещенія, но уже «озарилась многими свѣтилами, якоже той превзыши, иже исперва просвѣщеніе примлихъ». Въ XVI вѣкѣ усиливается канонизація Русскихъ Святыхъ, и Русскiя дѣсныя пустыни изображаются не уступающими Вифаидамъ, Синаю и Іерусалиму. Собираются всѣ богатства Русской переводной письменности, какъ прямое достояніе греческаго наслѣдства. И вотъ, наконецъ, великiй Московскiй князь Іоаннъ IV торжественно провозглашаетъ себя Царемъ (Цесаремъ—Самодержцемъ), какъ преемникъ и наслѣдникъ Цесарской Греко-римской имперіи и приѣмленъ царскiй вѣнецъ въ соборной Успенской церкви,

по древнему Византийскому чину, съ таинствомъ миропомазанія, какъ видимъ знаменемъ Божественнаго пославленія на Царство.

Ошибитъ Русь, какъ наследница Греческаго православія, имѣетъ и Царя, какъ Верховнаго представителя и блюстителя Вселенской Церкви, въ его полномъ священномъ достоинствѣ.

Въ высшей степени любопытно русское эпическое сказаніе о томъ, какъ знаменія Царской власни, послѣдія знаитѣйшихъ Восточныхъ царствъ и народовъ, побѣдныя пророки Георгія Побѣдоносца оказались непристойными для Греческой имперіи, измѣнившей православію и подпавшей подъ иго мусульманское, и какъ перешли они достойно на главу Русскаго Царя православнаго, побѣдителя царства магарскаго, Грознаго Царя Ивана Васильевича.

Еще болѣе для насъ поразительно, что народное сказаніе помнитъ духовника этого царя—Федора Бармина, котораго едва знаетъ исторія. Именно ему, этому духовнику, народный эпосъ усвояетъ добываніе царскихъ утварей съ Востока изъ града Вавилона—для православнаго Царства Русскаго на главу Царя Грознаго правобѣрнаго. Сами византийцы выбрали этого царскаго духовника для добыванія этихъ утварей.

«Вышше люди Царягорода выбрали Федора Барму, чинобы шель онъ въ градъ Вавилонъ и добылъ отпуда царскую порфиру и корону и царскіе жезлы и скипетръ царскій. Пришелъ онъ изъ Царяграда къ морю и встрѣчаетъ здѣсь у берега съ судномъ неизвѣстнаго человѣка, который называлъ себя «Правдою». «Правда» перевезла его на другой берегъ и, когда узнала за чѣмъ онъ ѣдетъ, рассказала ему судьбу Вавилонскаго Царства.

«Въ семь градъ Вавилонъ устроили граждане валъ земляной кругомъ всего города, и сдѣлали змѣя въ воротахъ у липины голова, а у другой хвостъ. Былъ здѣсь Царь Поръ, который издалъ указъ—изображатъ змѣнившей на монетахъ и писамъ змѣнившей посудникамъ на посудѣ, на чашкахъ и ложкахъ, и дома украшатъ змѣнишами. Одинъ старѣйшій Думный человѣкъ въ царскомъ синклитѣ говорилъ Пору: «Царю! Голова моя, а мечъ Твой! Не вели этого дѣлатъ, станутъ эти змѣниши потреблять людей, да и самого большого змѣя надо кормить». Царь распорядился, но поздно спохватился, какожды сдумалъ думу нехорошую. Великій змѣй и всѣ змѣниши живы стали, и истребилъ нечистый духъ во градъ Вавилонъ всѣхъ людей и все царство Царя Пору. Теперь во всемъ градѣ стоить лишь церковь, а въ ней у Егорья Побѣдоносца да Митрея Салынскаго хранятся и порфира, и корона, и жезлы, и скипетры царскіе, да жива естъ еще тамъ дѣвица, которая вышиваетъ коверъ Егорью Побѣдоносцу да Митрею Салынскому. Въ градъ можно проникнуть только въ полночь; тогда дѣвица молится Егорью Храброму да Митрею Салынскому, и великій змѣй и всѣ змѣниши покой имѣютъ. Вознесъ благодарность Федоръ Барма этой «Правдѣ», и отправился въ градъ Вавилонъ. Вошелъ онъ въ градъ, какъ его научила «Правда», и, по Божьему призыву, приходитъ въ храмъ Егорья Побѣдоносца да Митрея Салынскаго и взмолился онъ этой дѣвицѣ: «сбереги меня отъ напрасной смерти и пособи мнѣ добыть корону и порфиру, скипетръ и жезлы царскіе въ семь храмъ». И отвѣчала ему дѣвица: «рабъ Божій! помолись Егорью Побѣдоносцу да Митрею Салынскому, и получишь ты корону, и порфиру, и скипетръ, и жезлы царскіе». Трои сутки пробылъ тутъ Федоръ Барма, пока дѣвица вышивала новый коверъ съ ликами этихъ святыхъ. Потомъ вышли они изъ града, когда нечистые духи покой имѣютъ: дѣвица несла два ковра, а Федоръ Барма корону и порфиру, и скипетры, и жезлы царскіе; прошли мимо змѣя и змѣнившей ничѣмъ неведимо, и подошли къ морю. Тутъ сказала ему

дѣвица: «рабъ Божій, Оедоръ Барминъ! Вотъ тебѣ коверъ, конюрый я вышла золопомъ и серебромъ съ ликами Егорья Побѣдоносца и Мипрея Салънскаго; раскинъ его на воду, и побъжай по морю и вези царскія сокровища Царю православному». И прѣбъжаетъ онъ къ Царюграду,—скоро скажется, тихо дѣется,—изъ моря на берегъ. Но путьъ было во Царѣградѣ великое кровопролитіе: рушилась вѣра православная, не стало Царя нравовѣрнаго. И пошелъ Оедоръ Барма отъ Царяграда въ нашу Русію подселенную, и пришелъ онъ во Казань городъ, и вошелъ онъ въ палашы княженецкія, въ княженецкія палаты—богатѣрскія, и стали спрашивать, гдѣ добылъ онъ порфиру и вѣнецъ, и скипетры, и жезлы царскіе. И разсказалъ путь Оедоръ Барма, какъ указала ему «Правда», путь прямую въ Вавилонъ градъ и какъ дѣвица указала нести царскія сокровища къ Царю правовѣрному. И улегла путь порфира и корона съ града Вавилона на голову Грознаго Царя правовѣрнаго Ивана Царя Василевича, который рушилъ царство «Проходима», погананаго князя Казанскаго».

Народное сознаніе, естественное, могло удовлетворяться подобнымъ эническимъ сказаніемъ о переходѣ знаковъ царскаго достоинства съ Востока на Свящую Русь.

Есть легенда и о томъ, какъ доставалъ ихъ изъ Вавилона и Византійскій имперанюръ Левъ.

Но для знаменитыхъ бояръ, для удѣльныхъ князей, производившихъ родъ свой отъ того же Рюрикова корня, для иноземныхъ выходцевъ, гордившихся происхожденіемъ отъ липовскихъ князей или патарскихъ хановъ, нужны были другія внѣшнія историческія основанія для царскаго значенія Московскихъ великихъ князей.

И вотъ создаются лѣтописныя сказанія, направленныя къ оправданію правъ ихъ на царскій титулъ.

Много было родовъ отъ Рюрикова Дома: но царскимъ вѣнцемъ былъ вѣнчанъ только Владиміръ Мономахъ, сынъ Царевны Греческой, коему Византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ была прислана Царская шапка съ бармами и для вѣнчанія коего прѣбъжали въ Кіевъ Греческіе митрополиты. Эти знаменія Царской власти переданы были имъ сыну Юрію, колонизатору сѣверной лѣсной стороны, уцѣлѣли отъ татарскаго погрома и свято хранились въ Домѣ Калиты; какъ драгоценный завѣтъ, передавались здѣсь отъ одного Московскаго князя другому, и, когда настала историческій моментъ для Россіи Царской, только потомокъ Мономаховъ, а не какой-нибудь удѣльный князь, можетъ возложить ихъ на себя.

И что значить происхожденіе отъ какого-нибудь Гедмина или хана, когда родъ Московскихъ князей ведетъ свое начало отъ Августа Кесаря?

Нужно было отразить и упреки въ томъ, что вѣнчаніе Грознаго было не канонично, такъ какъ совершенно оно только русскимъ митрополитомъ, который не имѣлъ на это высшаго Церковнаго полномочія.

Грозный обратился къ Восточнымъ патріархамъ съ просьбою о признаніи его вѣнчанія, въ силу отъѣченныхъ основаній. Лишь черезъ четыре года была прислана изъ Царяграда грамота, утверждающая его въ званіи Царя; но въ ней говорилось, что, дѣйствительно, «совершенное митрополитомъ Макаріемъ не можетъ быть крѣпко, и что только Римскому и Константинопольскому первосвященникамъ дано преимущество вѣнчать Царей». Этимъ глубоко было оскорблено народное чувство Русскихъ: патріархъ, нуждающийся въ признаніи своего сана отъ турка, присвоаетъ себѣ право дать или не дать титулъ Государю народа православнаго, свободнаго Русскаго Царства, пря-

мого наслѣдника Греческой имперіи. Этимъ глубоко оскорбленъ былъ и Іоаннъ IV, рѣзко отзывавшійся о грекахъ, какъ и о латиняхъ. Достойно вниманія, что въ этой грамотѣ цѣлыя выраженія, какъ нетерпимыя, были выскоблены Думскимъ дьякомъ и замѣнены новыми: такъ возмутительны казались для Русской чести нѣкоторыя строки этой грамоты. Впрочемъ, другіе патріархи, Александрійскій и Антиохійскій, охотно согласились признать совершившійся фактъ, патріархъ же Іерусалимскій провозгласилъ новаго Царя даже «Главою Церкви».

Не вдругъ Государи иностранные признали Русскаго Царя въ его Императорскомъ достоинствѣ. Долго Русскіе дипломаты должны были настойчиво и неуклонно требовать отъ Европейскихъ пословъ и посланниковъ, чтобы они именovali Русскаго Государя Величествомъ, а не Высочествомъ и заставляли ихъ признавать, что Русскій Царь есть Цесарь, равный Греческимъ императорамъ, а вмѣстѣ съ ними приводили и государства иноземныя къ убѣжденію, что Россія, дѣйствительно, есть прямая наслѣдница Византійской имперіи.

Іванъ Грозный былъ глубокой знатокъ православія, на что неопровержимо указываютъ его диспуты съ Поссевиномъ, Рокитомъ и Максимомъ Грекомъ; онъ хорошо зналъ священное писаніе и знакомъ былъ съ Церковной исторіей. Царское свое значеніе онъ понималъ въ такой полнотѣ и ясности, какъ никто изъ его предшественниковъ. Онъ считалъ себя «Царемъ милосердію Божіею и по праву рожденія; самъ Богъ посадилъ его на престолъ и сдѣлалъ его Своимъ намѣстникомъ на землѣ». Долгъ Царскій «отъ преволненія спасаетъ подданныхъ и заботится не о тѣлахъ только, но и о душахъ порученнаго ему стада»; и потому долгъ, какъ призваніе Божественное, онъ долженъ спавить превъше собственной жизни; власть старыхъ вѣчей перешла къ нему и потому она неограниченна, какъ неограниченна была власть народа надъ самимъ собой; онъ ни предъ кѣмъ не отвѣтственъ и обязанъ своимъ отчетомъ только Господу Богу; въ Государствѣ онъ самодержавенъ: како и «Самодержецъ можетъ нареція, аще не самъ строитъ?» Московское Государство должно быть только конфессіональнымъ, то-есть православнымъ; а потому и власть Государева простирается не только на мірянъ, но и на Церковь.

Государства гибли, гдѣ попы верховенствовали. Боярство обязано только службою Царю, и при той мѣрѣ, въ какой указано Царскою волею. Превозносятся своимъ родомъ, уклоняются отъ велѣній Царскихъ, производятъ давленіе на Царскую волю, или же перебѣгаютъ въ чужую землю, есть государственная измѣна, которая наказуется смертію. Такъ разъяснилъ теорію Царской власти самъ Грозный въ своей перепискѣ съ Курбскимъ и такъ отчасти выражена она въ коронаціонномъ поученіи митрополита Макарія.

Очевидно, такой взглядъ былъ прямо противоположенъ традиціямъ князей и бояръ, окружавшихъ Грознаго, и борьба съ ними была неизбежна.

Натура Грознаго была натура сильная, могучая, богатырская. Онъ не умѣлъ останавливаться на полудорогѣ, на полумѣрахъ; но шелъ къ цѣли, не щадя своей головы. Вся его жизнь, можно сказать, есть кровавый свитокъ борьбы его съ удѣльными князьями и старымъ боярствомъ за свою Царскую идею.

До сихъ поръ Грозный для науки какая-то историческая загадка.

Карамзинъ, Погодинъ, Константинъ Аксаковъ, Костомаровъ и Иловайскій видятъ въ его царствованіи рядъ ужасовъ и безумствъ и представляютъ его подобнымъ Нерону, художникомъ всякихъ злодѣйствъ. А Соловьевъ, Бе-

снужевъ-Рюминъ, Платоновъ признающъ его преобразователемъ Государства, къ чему послужила и созданная имъ опричнина. Бѣловъ и Горскій всецѣло оправдываютъ кровавыя жестокости Грознаго и всѣхъ посправившихъ считаютъ достойными понесенной ими казни. Въ наше время нашлись и такіе ученые, которые взглянули на Грознаго съ нерво-патологической точки зрѣнія и считаютъ его Государемъ, справдившимъ умопомѣшательствомъ.

Нельзя не замѣтить, что до насъ дошло не мало историческихъ показаній какъ русскихъ, такъ особенно иностранныхъ, продиктованныхъ людьми, враждебно и даже иногда злобно настроенными по отношенію къ Грозному; показанія эти стоятъ иногда въ явномъ противорѣчьи съ другими историческими источниками; но Синодикъ убитыхъ имъ лицъ не снимаетъ съ него обвиненій въ излишней жестокости и обильно пролиной имъ крови.

Нельзя, однако, признавъ исторически истиннымъ мнѣніе *)], будто «онъ перешелъ всѣ границы зла, будто онъ злодѣй, лицо котораго — кошмаръ и имя котораго — Ужасъ».

Всѣ крайнія мрачныя мнѣнія о Грозномъ не мирятся съ приглашеніемъ его Польшею въ свои короли. Польша, какъ ближайшая сосѣдка Россіи, знала Грознаго гораздо лучше, чѣмъ заѣзжіе иностранцы, которымъ не понравился пріемъ или которыхъ хлопоты не были уважены; безъ всякаго сомнѣнія, поляки отлично знали и хорошія и дурныя стороны Грознаго, и не даромъ, конечно, одна мысль имѣть своимъ королемъ Царя Ивана Василевича привидѣла въ восторгъ Польскую шляхту. Даже Литовская знала и та примирилась съ его кандидатурой.

Любопытно, что говорилъ самъ Грозный, защищая свою кандидатуру: «въ Польшѣ и Литвѣ я приобрѣлъ репутацію злаго», — заявлялъ онъ. — «Но съ кѣмъ я золь?» При этомъ онъ подробно рассказалъ о боярской измѣнѣ. «Поляки не будутъ мнѣ измѣнять и я, конечно, буду обходиться съ ними иначе. Я сохранию, — говорилъ онъ, — всѣ ваши права и привилегіи и даже дамъ новыя. Я золь только для злыхъ, а для добрыхъ я согласенъ отдавать послѣднюю одежду» и при этомъ онъ сдѣлалъ такой жестъ, словно дѣйствительно хотѣлъ отдать. Если и не изберете меня польскимъ Государемъ, я все-таки готовъ заключить съ Польшей миръ, и согласенъ уступить ей Полоцкъ, лишь бы по Двину.

Рѣшительно была бы невозможна въ Польшѣ самая мысль о кандидатурѣ Грознаго на Литовско-польскій престолъ, если бы онъ, дѣйствительно, былъ злодѣй и имя ему было Ужасъ. Намъ кажется, его тамъ знали и цѣнили лучше, чѣмъ знаемъ и цѣнимъ мы; тамъ были убѣждены, что Московское боярство не мало и само было повинно въ жестокостяхъ своего Царя.

Не останавливаясь на крипическомъ разборѣ противоположныхъ взглядовъ на царствованіе Грознаго, мы остановимся только соответственно нашей задачѣ на народныхъ воззрѣніяхъ, какъ сказались они въ народныхъ пѣсняхъ и живыхъ преданіяхъ.

Не безъ причины, конечно, изъ всѣхъ Московскихъ Государей только Грозный сталъ предметомъ народнаго эпоса. До насъ дошло весьма значительное количество былинъ о немъ — и припомъ записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Слишкомъ ярко отразился его нравственный образъ въ народномъ сознаніи. Слишкомъ глубокіе слѣды въ памяти оставили нѣкоторые моменты его царствования.

*) Кюстина.

Воцареніе Грознаго на Москвѣ народная пѣсня сближаетъ съ появленіемъ
краснаго солнца или же звѣзды подвосточной:

«Когда въ небѣ возсіяло красно солнышко,
«Становилася звѣзда восточная,
«Тогда воцарился Грозный Царь,
«Грозный Царь Иванъ Васильевичъ».

Или же по другому пересказу:

«Когда воцарился Грозный Царь:
«Тогда солнышко на небѣ возсіяло,
«Тогда рыбы всѣ вглубь ушли,
«Тогда звѣри сбѣжали въ лѣса темныя».

Съ воцареніемъ его Москва или Московское Государство утвердилось на
прочномъ основаніи и стало восходить отъ славы къ славе:

«И въ то время князь воцарился,
«И насѣлъ на Московское Царство,
«Что тогда-де Москва основалася,
«И съ тѣхъ поръ великая слава».

Пѣсни не только не скрываютъ гнѣвнаго и жестокаго характера Гроз-
наго, но какъ бы желаютъ выставить на видъ эту особенность его духов-
ной природы:

«Не сине море всколебалось,
«Не сырѣ дубы разгарились,
«Распался Грозный Царь Иванъ Васильевичъ».

Пѣсни мало знаютъ о внутреннихъ преобразованіяхъ Грознаго, но на
Сѣверѣ было извѣстно, что онъ создалъ Земское Самоуправленіе; такъ,
напримѣръ, Турчасовскіе земскіе люди били челомъ Царю Ивану Васильевичу,
чтобы онъ далъ имъ такой же самосудъ, какой далъ онъ въ Каргополѣ
на посадѣ.

Повидимому, народу извѣстна была политика Ивана по переселенію опас-
ныхъ воячинниковъ и замѣщенію ихъ мѣста своими людьми и это казалось:

«Переборъ былъ бояромъ,
«Переборъ воеводамъ».

Ничего не видѣли въ томъ пѣглые люди ни спранныя, ни ужаснаго.

Народная пѣсня знаетъ факты, кои характеризуютъ Грознаго, какъ
Царя милостиваго и весьма правдиваго. Вотъ, напримѣръ, ѣдетъ онъ по
Москвѣ и видитъ добраго молодца на правѣжѣ и спрашиваетъ бурмистровъ-
цѣловальниковъ: «за что вы пытаете добраго молодца, нагого-босаго и разу-
таго, поставя его на бѣль-горючъ камень?»

«Стоитъ молодецъ самъ не пряхнется,
«Русы кудри его не воронхнутся,
«Только катятся изъ глазъ горячи слезы».

Ему отвѣчаютъ цѣловальники:

«Пытаемъ мы съ него золоту казну:
«Не много, не мало, сорокъ тысячей».

Когда на вопросъ Грознаго, какъ досталась молодцу золота казна, онъ объяснилъ, что онъ отбилъ ее въ лѣсу у воровъ-разбойниковъ, въ то время, какъ они, на привалѣ, золоту казну дѣлили мѣрою.

И возговорилъ православный царь:

«Ой, вы гой еси, бурмистры-цѣловальники!
«Заплатите ему за каждый ударъ по 50-ти рублей,
«А за безчестіе заплатите ему 500 рублей».

Или вотъ одинъ молодецъ убилъ опричника. И сталъ Грозный его допрашивать, за что лишилъ онъ жизни его подручника, молодого опричника? И когда тотъ отвѣчалъ: я убилъ его за дурны дѣла, за худы слова:

«Онъ злой татарченко,
«Поносилъ онъ нашу Святую Русь;
«Тебя называлъ кровопійцею;
«Еще поносилъ православный людъ:
«Упрекалъ насъ бытъ крестьянами и холопами,
«Татаръ величалъ людми волынными,
«Никому какъ бытъ не подручными;
«А самъ славенъ-то былъ побою, Царь,
«Твоей милостію».

Услышавъ такой отвѣтъ Грозный воскликнулъ:

«Исполать тебѣ, удалый молодецъ,
«На добромъ словѣ, на честномъ дѣлѣ».

Основнымъ мотивомъ народныхъ пѣсенъ была «измѣна», которую выводилъ Грозный изъ своего Государства. Онъ считалъ себя изгнанникомъ въ своемъ Царствѣ и жилъ большею частию вдали отъ Кремля, откуда, по словамъ, его изгнали себялюбивые бояре. Онъ выстроилъ себѣ хоромы внѣ Кремля, около Троицкихъ воротъ, на Воздвиженкѣ, другой дворецъ въ Вологдѣ и претіи въ Александровской слободѣ—съ братскими кельями и здѣсь по преимуществу коропалъ дни свои съ опричниками. Особенно поразила его измѣна Курбскаго, который былъ его и ближайшимъ совѣтникомъ и героемъ, создавшимъ его славу. И съ этого времени выводилъ измѣну—значило устранять опасныхъ людей, кои не раздѣляли и не могли раздѣлять его политическихъ задачъ и плановъ.

Гордое сознание успѣховъ своего дѣла усваивалъ ему народная пѣсня:

«Есть чѣмъ Царю мнѣ похвастаться,
«Я повынесъ цареніе изъ Царяграда,
«Царскую порфиру на себя надѣлъ,
«Царскій костыль себѣ въ руки взялъ,
«Я повыведу измѣну съ каменной Москвы».

.....

По другому пересказу:

«Ужъ какъ мнѣ-то можно похвалился;
«Вывелъ я туманъ съ-за синя моря,
«Вывелъ я измѣну изъ Новгѣродѣ.
«Вывелъ и изъ Пскова, изъ каменной Москвы».

Отъ руки палачей, выводившихъ измѣну, сошла со сцены испорни вся старая русская аристократія, состоявшая изъ потомковъ князей удѣльныхъ

и знатныхъ боярскихъ родовъ. Лишь въ изгнаніи едва уцѣлѣли слабые ея остатки.

Народъ по-своему, конечно, объяснялъ отношеніе Царя къ боярству. Съ его точки зрѣнія внутренняя причина боярской измѣны таилась, между прочимъ, и въ немъ самомъ, въ его собственной невѣрности и кривизнѣ души его.

Народное преданіе, изображающее Грознаго съ этой стороны, передается въ формѣ апокалипсической, а это указываетъ на то, что едва ли оно не современно самому Грозному. Являются посланники съ двѣнадцатью земель и предлагаютъ состязаніе загадками за двѣнадцать бочекъ золота; форма очевидно восточная, которая встрѣчается въ судахъ Соломона, и проходитъ цѣлый рядъ странствующихъ повѣстей по Западной и Восточной Европѣ. На помощь Царю въ эту критическую минуту, когда ему приходится или получить бочки золота, или навсегда потерять Царскій престолъ, является на пути какой-то вѣщій Божественный старецъ, строитель церкви, уже поднявшій ее до кровли и купола. Очень можетъ быть, что легенда намекаетъ здѣсь на извѣстнаго обличителя Грознаго, митрополита Филиппа, который успѣшно строилъ церковное дѣло, стоя на вершинѣ церковной.

Невѣдомый старецъ выручаетъ Царя и помогаетъ ему разгадать загадки. Грозный пользуется его наставленіями, получаетъ двѣнадцать бочекъ золота, но потомъ вдругъ, проливъ своего обѣщанія, жалъ ему стало даже и одной бочки для церкви Божіей и для этого старца строителя — виновника его Соломоновской мудрости: вмѣсто бочки золота, онъ предложилъ старцу бочку, наполненную пескомъ. «Тако ты Царь», — говоритъ ему вѣщій божественный старецъ; — «такова-то правда у души твоей; таково-то твое царское слово? Вѣкъ же тебѣ не выведетъ измѣны изъ каменной Москвы: не бываетъ вѣрныхъ слугъ у кривыхъ господъ». Это грозное обличеніе громко звучитъ силою и правдою духа великаго старца, церковнаго строителя митрополита Филиппа.

Это эпическое народное сказаніе, записанное нами отъ пѣвца былинъ В. П. Щеголенкова, такъ характерно и такъ важно для исторіи, что мы приводимъ его вполнѣ.

«Приѣхали посланники съ 12-ти земель,
«Привезли злата по бочкѣ во Черниговъ градъ,
«Написали эпистолью въ каменну Москву,
«Грозному Царю Ивану Васильевичу:
— Приѣзжай-ко ты, Грозный Царь,
— Къ намъ сюда во Черниговъ градъ;
— Насъ приѣхало посланниковъ съ двѣнадцатью земель
— И привезено при слова и двѣнадцать бочекъ злата;
— Если отгадаешь ты все злато получаешь,
— А не мощъ ты отгадашь и Царство потеряешь».

И приказалъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ своимъ близкимъ дворцкимъ: «готовьте лошадей на ямъ: надо ѣхать во Черниговъ градъ». Выѣзжаетъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ съ каменной Москвы, ѣдетъ онъ путемъ дорогою. Вдругъ на пути видитъ близъ Чернигова: убогой старикъ, сѣдиной изукрашенъ, строитъ церковь о путь: церковь совсѣмъ поднята, и куполъ сдѣланъ, и носитъ сей строитель старецъ щепу по подмосткамъ кверху и приколачиваетъ къ главы; въ кучкѣ гвозде, а въ другой щепы. И говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ: «Богъ помочи, дѣдушко старичекъ! Што же ты, дѣдушко, порозѣ носишь щепинку

и гвозди и кладаваешъ на подмостки; ты разомъ могъ бы снести и щепинку и гвозди, а ходишь ты два раза». Отвѣчаетъ ему дѣдушко-старецъ: «про это дѣло мастеръ знаетъ, а что въ умѣ у тебя, того никто не знаетъ. Ъдешь ты въ Черниговъ градъ, и въ головы у тебя—три слова отгадаешь; если можешь, много злата получаешь, а не можешь отгадаешь и все Царство потеряешь». И говоритъ еще дѣдушко-старичекъ:—«Грозный Царь Иванъ Васильевичъ! Скажи мнѣ Царское слово: што мнѣ будетъ отъ добра; поясню, ты загадки отгадаешь, а нѣтъ—не отгадаешь тебѣ». Тутъ Грозный Царь обѣтъ даетъ этому вѣщему старцу—церковному строителю: «я, тебѣ, говоритъ, за показъ твой цѣлую бочку злата могу дать». И говоритъ тутъ дѣдушко-старецъ: «Грозный Царь Иванъ Васильевичъ! Когда вѣдешь ты во Черниговъ градъ, когда взойдешь ты во царскій дворецъ, тутъ собраны посланники двѣнадцати земель, тутъ садятъ тебя на царское мѣсто, и вопросъ тебѣ задаютъ: «Царю, Царю! Отгадай, скажутъ, что на свѣтѣ свирѣпѣе всѣхъ? Ты скажи: свирѣпѣе всѣхъ око у человѣка, видитъ по землѣ ходящихъ, видитъ по воздуху птицу летящую». Зададутъ второе слово: «Что на свѣтѣ милѣе всѣхъ? Ты скажи: сонъ; въ какомъ несчастіи не будешь, во снѣ все забудешь». Спросятъ еще и третье слово: «Что на свѣтѣ слаще всѣхъ?» Ты скажи: «Вода передъ смертію рабу». Приѣзжаетъ Грозный Царь во Черниговъ градъ и входитъ во дворецъ; крестъ кладетъ по-писаному, поклонъ ведетъ по-ученому, на всѣхъ на три-четыре на стороны поклоняется, а двѣнадцати посланникамъ въ особину. «Поди, посланникамъ говорятъ, Грозный Царь Иванъ Васильевичъ, садись на царское мѣсто и отгадай три слова, кои мы тебѣ заганемъ».

Первый вопросъ сдѣлали: «Грозный Царь Иванъ Васильевичъ! Что на свѣтѣ суровѣе всѣхъ?»—Господи!—отвѣчалъ онъ,—око у человѣка, видитъ по землѣ ходящихъ и по воздуху птицу летящую.—Второе слово сдѣлали: «Что въ свѣтѣ милѣе всѣхъ?»—Господи!—отвѣчалъ Грозный,—милѣе всѣхъ на свѣтѣ сонъ, въ какой погибели не будешь, все забудешь.—И третье слово сдѣлали: «Что въ свѣтѣ слаще всѣхъ?»—И Грозный отвѣчалъ:—Слаще всѣхъ вода передъ смертію рабу. Получилъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ двѣнадцать бочекъ злата за свою мудрость, и поѣхалъ въ каменную Москву, и жалъ ему стало обѣщанной бочки вѣщему старцу—церковному строителю: «стойте, говоритъ, ребята, сколотите обручи съ этой бочки и насыпьте туда песку, и дайте эту бочку старику». Встрѣтившись съ нимъ Грозный спросилъ его, получилъ ли онъ злато. «Получилъ,—отвѣтилъ старецъ,—благодарю», а самъ возгорчился духомъ, сердцемъ раскипѣлся и возгласилъ: «Царю, не самъ ли ты наложилъ мнѣ даръ и такожде ли держишь свое царское слово? Постригся ты, посхимился, а все ты—тотъ же. Живешь ты ложью и у церковнаго строителя добро ты отымаешь. Ржа твое сердце съѣдаетъ, змій ты подъ цвѣтами, огонь ты носишь подъ полой. Тотъ къ добру не управитъ, кто въ дѣлахъ лукавитъ. Помни же, что не выведетъ тебѣ измѣны съ каменной Москвы. Не бываетъ вѣрныхъ слугъ у кривыхъ господъ. Тутъ слово и ключъ во вѣки и во вѣки».

Взятіе Казани и Асрахани произвело громадное впечатлѣніе на народныя православныя массы. Исламъ потрясенъ и самый центръ его поколебленъ. Открылся свободный путь для торга отъ сѣверныхъ притоковъ Волги до самаго ея устья. Отверзлись двери въ самую Азію. Чѣмъ тяжелѣе былъ вѣковой татарскій гнетъ, тѣмъ свѣтлѣе и отраднѣе казалась свобода отъ него православному люду. Не Москва только ликовала эту славную побѣду Грознаго, но свѣтлый праздникъ чувствовался на всемъ Сѣверѣ.

У Грозного пирь.

«Вокругъ его сидятъ князья-бояра
«И во пиру они порасхвастались;
«Сильный хвалится своею силою,
«А богатый—золотой казной...
«Государь самъ распотѣшился...
«Самъ возгдворилъ таковы слова:
— Ой, вы глупые бояре—неразумные!
— Чѣмъ вы хвалитесь-перехвалаетесь?
— Силушка-то къ вамъ отъ Господа,
— А богатство отъ меня пришло.
— Ужъ какъ мнѣ-то можно похвалиться:
— Вынесъ я порфиру изъ Царяграда,
— Взялъ Казань городъ, взялъ и Астрахань».

По другому пересказу:

«Что взялъ онъ царство Казанское,
«Симеона царя во полонъ полонилъ
«Со царицею со Еленою;
«Что взялъ онъ Казань, взялъ и Астрахань».

Долго готовился Грозный къ этому походу:

«Скоплялъ-то онъ силушку да ровно тридцать лѣтъ.
«Сокопивши силу, воевать пошелъ
«Подъ то славно царство подъ Казанское.
«Становился батюшка нашъ во зеленыхъ лугахъ,
«Въ зеленыхъ лугахъ въ заповѣднѣхъ».

Изъ всей Казанской осады пѣсни воспроизводятъ тотъ моментъ, когда Грозный съ нетерпѣніемъ ждалъ взрыва крѣпостныхъ стѣнъ. Это ожиданіе было тѣмъ напряженнѣе и острѣе, что татарки дразнили Грозного его неудачами:

«А татарки по стѣнѣ похаживаютъ,
«Грозного Царя поддразниваютъ:
— Какъ не взять тебѣ Казань ни во сто лѣтъ,
— Какъ ни во сто лѣтъ, ни во тысячу».

Уже были подведены подкопы и подъ Булатъ рѣку и подъ Казань рѣку, бочки съ порохомъ подкачены подъ стѣны городовыя, зажжены свѣчи восковыя, и такія же свѣчи въ рукахъ царскихъ; послѣднія догорѣли, а взрыва нѣтъ; минуты кажутся годами, «горитъ сердце царское нетерпѣніемъ великимъ»:

«Воспалилось сердце Государево,
«Утупилъ онъ очи во сѣру землю.
— Подавай мнѣ пушкарей сюда,
— Пушкарей—подкопщиковъ и зажигальщиковъ.
«Призадумались пушкарчики, молчатъ-стоятъ.
«Только выбрался молоденькой пушкарчикъ:
— Не вели меня, Царь-батюшко, казнить-вѣшать,
— Прикажи мнѣ слово молвити:
— На вѣтру-то свѣчи скоро попятся,
— Въ глухомъ же мѣстѣ долго теплятся.
«Не успѣлъ пушкарчикъ слово вымолвить,
«Догорѣли свѣчи воску яраго,
«Принимались бочки съ чернымъ порохомъ,
«Раскидало, разметало стѣну каменну,
«Побросало въ рѣку всѣхъ татарушекъ».

Въ другомъ пересказѣ естѣ нѣкоторыя особенности:

«И снарядилъ ли то Грозный Князь Иванъ Васильевичъ
«И снарядилъ ли то войско подъ Казань-городъ;
«И стояло войско подъ Казань-городомъ
«И не много, не мало—семь годовъ.
«И проговорилъ пучкаръ таково слово:
— Ты Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
— Позволь слово сказать, да слово вымолвить:
— И подкопашь бы намъ подкопы глубоки
— Подъ эти стѣны городѣвы;
— И начинишь бы намъ бочки зельемъ лютымъ.
— И мы не зельемъ чинили—чернымъ порохомъ;
— И зажигаешь бы намъ свѣчи восковѣ
— Во эти руки во бѣлы,
— За эти за стѣны за дубовѣ.
— Во рукахъ-то свѣщи да онѣ ясно горятъ,
— А за стѣнами-то свѣщи, онѣ не ясно горятъ.
«И проговорилъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
— Ай же ты, пушкаръ, да обманываешь.
«И проговорилъ пучкаръ да таково слово:
— Ай же ты, Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.
— Во рукахъ-то свѣщи, да онѣ ясно горятъ,
— А за стѣнами-то свѣщи, онѣ не ясно горятъ.
«И не успѣлъ пучкаръ слова вымолвить,
«И преснули башни треугольны,
«Разорвало стѣны городѣвы.
«Зашло войско во Казань-то городъ;
«Повынесли знамена со Казань-города,
«Повынесли порфиру-то царскую
«Съ за этого стола, съ за окольнаго».

Возрадовался Царь-Государь и приказалъ дарить всѣхъ пушкарей; каждому далъ по 500 рублей; а молодому пушкарю 500 рублей «за слово его смѣлое, за правду его добрую».

Овладеи царствомъ Сибирскимъ также не забыто народнымъ пѣснопѣиёмъ; Ермакъ Тимофеевъ, представъ предъ Государемъ, говоритъ ему:

«Я пришелъ къ тебѣ, Грозный Царь,
«Съ товарищемъ Ванькой Каиномъ;
«Всѣхъ я сѣверныхъ странъ запечатальникъ.
«Заполонили мы цѣлую Сибирь,
«Да пришли къ тебѣ съ повинной головой;
«Хоть прости меня, хоть казнишь вели».

Собралась Боярская Дума; выносили Ермаку злата-серебра; а онъ боярамъ принесъ въ даръ куницъ-соболей.

Разгромъ Новгорода Грознымъ, какъ извѣстно, послѣдовалъ вслѣдствіе готовности его предаться Липвѣ. «Я повывель измѣну съ Новгорода», говоритъ Грозный. По его убѣжденію, во главѣ этого Новгородскаго заговора стоялъ архіепископъ Пимень. Поэтому Грозный ѣхалъ сюда раздраженный не только противъ владыки, но и противъ Св. Софіи и противъ Хутыня—лѣтней Владычней резиденціи. Народъ подмѣтилъ яростное настроеніе Грознаго и выразилъ его въ слѣдующихъ легендахъ:

«Услышалъ Грозный Царь во своемъ цареніи въ Москвѣ, что въ Великомъ Новгородѣ бунтъ. И поѣхалъ онъ съ каменной Москвы Великой и ѣхалъ путемъ-дорогой—все больше верхомъ. Говорится скоро, дѣется

тихо. Въѣхалъ онъ на Волховской мостъ: ударили въ колоколъ у Святой Софіи, и палъ конь его на колѣно отъ колокольнаго звона. И путь Грозный Царь воспрогѣворилъ коню своему. «Ай же ты, мой конь—меловой ¹⁾ мѣшокъ, волчья ты сѣть; не мошь ты Царя держати—Грознаго Царя Ивана Василевича». Доѣхалъ онъ до Софійскаго храма и въ гнѣвѣ велѣлъ опрубити снасти у этого колокола и чѣобы палъ на земь, и казнилъ его уши. «Не могутъ, говоритъ, комони звону его слышатъ». И казнили этотъ колоколъ въ Новѣгородѣ; нонѣ этотъ колоколъ перелипой».

Въ Хутынѣ монастырѣ Грозный встрѣтилъ толпы народа и возмущился, бытъ можетъ предполагая, что это чернѣ бунтовская. Онъ похулилъ даже чудотворца, который тотчасъ же далъ ему понятъ свою силу и направилъ его сердце къ монастырскимъ милостямъ.

Подѣзжаетъ онъ къ этой обители и спрашиваетъ у воротъ чернеца: «отчего, чернецъ, въ этой обители сегодншнй день такое множество народа?»

Чернецъ ему въ отвѣтъ: «сегодншнй день преподобному памятъ отцу нашему, Варлаамію Хутынскому».

«Вотъ еще, говоритъ, каждому чернецу день путь празднуютъ, и народъ еще путь собирается!»

Входитъ онъ въ оградныя ворота и спали ноги его грязнутъ до стоекъ ²⁾. Вошелъ въ храмъ преподобнаго, приблизился къ тѣлу его живоносному, перекрестилъ глаза и вдругъ нанесъ свою правую руку съ мечомъ на раку преподобнаго, хотѣлъ было сразитъ тѣло его живоносное, но о с т о я л а с ъ рука въ плечѣ Грознаго Царя Ивана Василевича, и понынѣ тотъ мечъ у раки преподобнаго. Вышелъ онъ изъ церкви самъ не свой, здоровъ онъ, а безъ разуму. Остолпился народъ—чернядь—въ кучкахъ небольшихъ. Подходитъ Грозный Царь Иванъ Василевичъ и спрашиваетъ: «Откуда вы, мужички?»—Мы, говорятъ, изъ Гимъ-рѣки. «Будьте же вы,—сказалъ Царь,—преподобнаго Варлаама крестьяна». Подходитъ къ другой кучкѣ и спрашиваетъ: «а вы откуда?»—Ай-же, Грозный Царь, а мы есмь со Щелеекъ.—«Будьте же и вы преподобной обители крестьяне». Приходитъ онъ и въ претѣю толпу и спрашиваетъ: «откуда вы?» Сказали съ той же Побережны. «Будьте же и вы сей обители крестьяне и служите преподобному Варлааму, угоднику Божію».

Убіеніе Грознымъ своего сына произвело громадное впечатлѣніе на народное воображеніе и въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ запечатлѣно въ исторической памяти. Въ нихъ перепутаны лица и событія. Убіенъ былъ не Царевичъ Оедоръ, а старшій сынъ его Иванъ; не на плаху былъ отданъ онъ палачу, но Грозный въ гнѣвѣ ударилъ его своимъ посохомъ и угодилъ ему въ високъ, отчего мгновенно послѣдовала смерть. Дстойно вниманія, что народъ отчасти оправдываетъ въ своемъ пѣснопворчествѣ и эту жестокость Грознаго, подводя Царевича подъ категорію царскихъ измѣнниковъ, а самый ужасъ преступленія смягчаетъ вымысломъ спасенія царевича, черезъ подмѣну его на плахѣ другимъ лицомъ, или же казненіемъ вмѣсто него самого палача.

При этомъ весьма ярко обрисованъ двойственный характеръ Грознаго, который то распалялся до самозабвешія, то падалъ духомъ до отчаянія и горькихъ слезъ.

¹⁾ Меловой—мякинный.

²⁾ Почти обѣ ступни.

Вотъ Грозный на пиру передъ боярами расхвастался, что вывелъ онъ измѣну изъ всѣхъ городовъ; при этомъ младшій сынъ неосторожно замѣтилъ: «небылицей, сударь - батюшка, порасхвастался». Тутъ стемнѣлъ Царь, какъ темная ночь. Заревѣлъ Царь, какъ левъ да звѣрь. «Сказывай, говоритъ, собака, про измѣну великую». Дѣлать было нечего, жалъ было брата, да не какъ себя; нужно было сказать, что измѣна его за столомъ сидитъ, и ѣстъ и пьетъ съ одного мѣста; цвѣтно платке носить съ одного плеча. Въ иныхъ пересказахъ докладываетъ про измѣну и говоритъ эти слова не Иванъ-царевичъ, а Малюта злодѣй, сынъ Скурлатовичъ. «А скажи-ко, скажи, въ чемъ измѣна есть», говоритъ Царь, а самъ злобно на царевича озирается. «А гдѣ съ тобой,—отвѣчаетъ Малюта,—мы улицею ѣхали, грѣшниковъ били-вѣшали, а тутъ измѣнщикъ твой грѣшниковъ миловалъ, ярлычки давалъ имъ пощады, да велѣлъ виновнымъ укрываться». Такимъ образомъ измѣна его состояла въ укрывательствѣ измѣнниковъ и въ пощадѣ имъ. Страшно стало смотрѣть на Царя. Мутное око примутилось, царское сердце разгорѣлось. Зарычалъ, закричалъ Царь громкимъ голосомъ. «Да есть ли во пиру такіе мастера казнить бы вѣшатъ роды царскіе? Ай-гой вы, сорокъ палачевъ да немилосивыхъ! Возмите-тко царевича Федора Ивановича:

«Выведите-тко на тую лягу на кровавую,
«На тую плаху на дубовую;
«Отсѣките-тко ему да буйну голову,
«Положите-тко на копье на вострое,
«Супротивъ палатъ да бѣлокаменныхъ.
«Положите-тко его-да буйну голову».

Всѣ палачи да разбѣжались. Сзычалъ тутъ Грозный другой законъ: вси палачи да популялися... За царскіе роды приняты не осмѣляются.

«Царское сердце расходилося—
«Хмѣльнымъ умомъ да пьянымъ разумомъ;
«Зарычалъ, закричалъ онъ пуще прежняго:
«Гдѣ мои палачи да немилосивы?
«Берите Федора Ивановича,
«Везите на то болото на житное,
«На ту плаху на дубовую».

Но вотъ другая картина нервнаго настроенія Грознаго.

Предъ его царскими палатами выставлена кровавая сабля, исполнившая его волю. Онъ горюетъ, онъ плачетъ, онъ воетъ и причитаетъ, какъ женщина.

«Какъ увидѣлъ онъ саблю кровавую,
«Прикручинился онъ, припечалился.
«Встаетъ онъ поутрѣшкѣ ранѣшенько,
«Сѣлъ онъ подъ косячато окошечко,
«Жалобнѣшенько самъ порасплакался:
— Потухла заря свѣтло-вечерняя!
— Не видать мнѣ красна солнышка
— Младого Федора Ивановича!»

Жалуется на своихъ бояръ, что не сдержали его неразумнаго гнѣва.

«По ворахъ, по разбойникамъ
«Есть заступники, ходатаи крѣпкіе,
«А по насъ, по сѣменахъ царскихъ, не находится!»

Но вотъ предъ нимъ старый бояринъ Никита Романовичъ, который остановилъ руку палача и вмѣсто царевича положилъ на плаху немилаго постельничка. По наказу Царскому, всѣ явились въ Церковь, къ Христовской заутренѣ въ одеждахъ распечальныхъ. Одинъ бояринъ Никита Романовичъ приходилъ въ ризахъ свѣтлыхъ и бѣетъ Царю челомъ съ любимой семейшкой.

Снова Грозный Царь закипѣлъ гнѣвомъ; снова пучей покрывается лицо его и грозное чело принахмурилось.

«Ай же ты, курва-сѣдатель песь,
«Со всѣхъ господъ-князей съ живыхъ я шкуру сдеру,
«А съ тебя, старая курва,
«Я шкуру сдеру и въ волчью зашью.
«Кабы былъ, собака, не въ церкви да не въ Божьей,
«Я не далъ бы, собакѣ, на часъ живота.
«Таки-ль ты недо мною надсмѣхался,
«А надъ собой ты невзгодушки не вѣдаешь.
«Твоего любезнаго племянника,
«Давно и живаго нѣтъ».

Тутъ отвѣчалъ ему старый бояринъ, что «царскій родъ на казни не казнится», и представилъ ему царевича Федора Ивановича.

Радость Царя отвѣчала его неистовому гнѣву. Весьма любопытно, что испросилъ для себя, пользуясь такимъ настроеніемъ Царя, старый бояринъ Никита Романовичъ.

При такомъ непостоянствѣ Царя, при погданскихъ извѣстахъ и оговорахъ, не было спасенія невиннымъ людямъ; даже царевичъ не избѣгъ напрасной смерти. И вотъ Никита Романовичъ проситъ у Царя, чтобы его, Никитина, вотчина была убѣжищемъ для всѣхъ уголовныхъ преступниковъ.

«Есть у меня села со приселками,
«А и по мнѣ молодцу—не похваляба.
«А ты дай-ко мнѣ Никитину вотчину...
«Что хотъ съ пепли уйди,
«Хотъ коня угони, хотъ жену уведи;
«Кто скраде, своруе, голову убьетъ,
«Ступайте въ Микитину вотчину.
«Кто туды уйдетъ, того Богъ унесъ;
«Не будетъ ни сыску, ни розыску».

Пѣсня эта, въ цѣломъ своемъ развитіи, никоимъ образомъ не можетъ относиться къ царевичу Ивану, который погибъ уже 30-ти лѣтъ и былъ при разѣ женатъ. Она связана съ именемъ царевича Федора Ивановича, но онъ никогда и никѣмъ не обрекался на смерть, женился еще при отцѣ, и затѣмъ царствовалъ послѣ него. Не такихъ взрослыхъ царевичей разумѣетъ пѣсня; она имѣетъ въ виду царевича млада-младешенька, «млада-зелена царевича»... Такимъ царевичемъ былъ послѣдній сынъ Грознаго, Дмитрій Ивановичъ—Углицкой, осужденный на смерть новой боярской грозою—Борисомъ Годуновымъ. Фабула о подмѣнѣ царевича немымъ постельничкомъ, болѣе, чѣмъ вѣроятно, относится именно къ убіенію Дмитрія Царевича. Она повидимому была такъ всенародна и всеобдержна, что дала поводъ появленію Самозванца и была причиною его неимовѣрныхъ успѣховъ среди народной массы; изъ страха въ эпоху сысковъ, а можетъ быть и безсознательно, фабула эта перенесена была народной фантазіей на эпоху Грознаго, а въ ней дѣйствующимъ лицомъ выдвинутъ самый демократическій и благороднѣйшій старый бояринъ Никита Романовичъ, у кото-

раго было множество сель со приселками и котораго вотчина бѣстро заселилась людьми, убѣгавшими отъ судовъ и розысковъ, за ихъ уголовщину.

Какъ ни былъ вспыльчивъ и раздражительнъ Грозный, какъ ни люты были его казни, смерть его вызвала общественное потрясеніе и была оплакана Москвою, благовѣрной царицей и войскомъ.

Плакали по немъ бояре и вся Москва:

«Ужъ ты, батюшка, свѣтель мѣсяцъ!
«Что ты свѣтишь не по-старому,
«Черной пучей закрываешься!
.....
«Во гробу-то лежитъ православный Царь,
«Православный Царь, Иванъ Грозный Васильевичъ».

Убивается по немъ царица и унимаютъ ее князья-бояры:

«Ужъ тебѣ горемъ поле не насыати,
«Горючими слезъми море не наполни;
«Ужъ Царя-то тебѣ не поднять будетъ».

Плакало по немъ все Русское воинство:

«Ты возстань, возстань, православный Царь!
«Погляди-ка ты на свою силу:
«Твоя силушка утомленая,
«Утомленая, не кормленая.
«Твой любимый полкъ во походъ пошелъ,
«Во походъ пошелъ во Казань городъ».

Изъ изложеннаго видно, что идея личной Верховной воли была въ нашей исторіи живымъ государственнымъ началомъ и затѣмъ постепенно возростала до понятія православнаго Царя и греческаго автократора, который, по праву рожденія, призывается къ государственному служенію и который долженъ совершать государственное строительство, какъ дѣло Божіе, ставя его превъше своей жизни и неся отвѣтственность не только предъ исторіею, но и предъ Спрашнымъ Судіею, Господомъ Богомъ. Такимъ образомъ идея Царя-Самодержца органически связана со всей предыдущей исторіею и есть творческое начало Русскаго Государства.

Какъ скоро, въ лицѣ Дмитрія Царевича, погибла послѣдняя вѣтвь Царскаго рода, одинъ за другимъ спали появлялись похитители престола, цари выборные, цари милостію народа, или вѣрнѣе подобранныхъ партій. Но въ умахъ народа глубоко властвовало убѣжденіе, что истинные цари суть цари по праву рожденія, цари милостію Божіею. Вотъ это-то всеобдержное убѣжденіе открыло возможность для такого историческаго явленія, какъ самозванщина, какого мы не видимъ ни въ одной Европейской исторіи. Возникло Смутное время, которое есть не что иное какъ борьба идей царя выборнаго съ идеею царей прирожденныхъ и въ этой борьбѣ едва вконецъ не погибло Русское Царство.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Извѣстно, что удѣльные князья въ XV и XVI вв., поступая на службу Московскаго Государя, получали здѣсь званіе тогдашнихъ придворныхъ чиновъ: окольничаго, постельничаго, конюшего. Въ царствованіе Ѳедора Ивановича въ этой придворной средѣ выработалось даже убѣжденіе, что по смерти Царя, преемствовать ему долженъ былъ бояринъ конюшій. Съ восшествіемъ Бориса на престолъ слухи о томъ, что онъ изъ конюховъ сдѣлался Великимъ Государемъ, равно какъ и о томъ, что во время Самозванца въ подземельѣ дворца Борисова нашли будто бы статую, держащую въ рукѣ лампаду, дали поводъ развиться въ народѣ слѣдующей легендѣ:

«Собрались всѣ Россійскіе бояра въ каменной Москвѣ и совѣтуютъ о томъ, какъ, господіе, будемъ Царя выбирать. И удумали бояра выбирать его такимъ положеніемъ: естъ у Троицы у Сергія надъ воротами Спаситель и предъ нимъ лампада; будемъ всѣ проѣзжать чрезъ эти ворота, и отъ кого загорится свѣча передъ лампадой, тому и быть Царемъ на Москвѣ надъ всей землей. Такъ и утвердили это слово. По первый день спали самыхъ высокихъ рукъ пускаютъ людей въ ворота, по другой—середняго сорта людей, а по третій—и самого низкаго званія. Передъ кѣмъ загорится лампада противъ Спасителя, тому и царитъ на Москвѣ. И вотъ назначенъ день для вышнихъ людей ѣхаютъ къ Троицѣ; ѣдетъ одинъ баринъ съ кучеромъ своимъ Борисомъ; если я, говоритъ, буду царемъ, тебя сдѣлаю правою рукою, первѣющимъ человекомъ, а ты, Борисъ, если будешь царемъ, куда ты меня положишь? Што попусту калякаютъ, отвѣчалъ ему конюхъ Борисъ; буду царемъ, такъ и скажу. Въѣхали они въ ворота, въ святую обитель—къ Троицѣ, и загорѣлась отъ нихъ свѣча на лампадѣ, сама безъ огня. Увидѣли вышніе люди и закричали: «Господіе, Богъ намъ царя далъ». Не раздробили кому изъ двухъ царемъ быть. И рѣшили, что по-единому пускаютъ надо. На другой день пускали людей середняго сорта, а по третій—и самого низкаго сорта. Какъ зашелъ конюхъ Борисъ въ святые ворота, глаза перекрестилъ по рамамъ, и загорѣлась свѣча на лампадѣ. Всѣ закричали: «Господіе, далъ намъ Богъ царя изъ самого низкаго сорта людей». Стали разѣзжаться по своимъ мѣстамъ; пріѣхалъ Борисъ царь въ каменную Москву и велѣлъ срубить голову тому боярину, у котораго служилъ онъ въ конюхахъ.

«Вышнихъ людей Борисъ не жаловалъ, а низкимъ людямъ не давалъ голодать. Но самъ покоя не имѣлъ и другимъ покоя не было. Онъ вѣдалъ, а и люди мало вѣрили, что младъ-зеленъ царевичъ самъ убится, играючи ножомъ закололся.

«Въ немогому было житіе его: насыпала на него скорбость, въ палецъ толщиной, отъ главы до ногъ, на всякое мѣсто. Собралъ онъдохтуровъ со всей Россіи и изъ Турецкой земли; и шутъ всѣ они сказали: «Царю, намъ неиспользовать тебя, а надо призвать человека болѣзнь твою языкомъ полизать, и не съ неволи, а съ воли». По первый день сдѣлалъ кличъ съ высокихъ лицъ, кто можетъ царскую боль языкомъ полизать и никто не сыскался; на другой день—середняго званія, и тоже—никто. На третій день сдѣлали кличъ изъ черняди, и вызвался одинъ, по имени Иванъ, родомъ олончанинъ, изъ Ялгуба (Петрозавод. у.), и полизалъ онъ царскую боль, на ложѣ, во дворцѣ. Черезъ три дня Царь сдѣлался здоровъ, призвалъ его во дворецъ

и спросилъ: «что ты хочешь получить себѣ, мужичекъ, сходи домой, подумай и скажи». Идетъ этакъ человекъ по Москвѣ, изъ лавки выходитъ купецъ, сѣдиной украиень. Онъ, какъ и многіе въ Москвѣ, узналъ, что отъ него Царь получилъ себѣ здоровье. «Сядь, говоритъ, посиди со мной: что ты, говоритъ, хочешь просить себѣ отъ Царя за исцѣленіе? Проси ты, говоритъ, «обѣльной грамоты изъ рода въ родъ». Пришелъ онъ во дворецъ и просилъ себѣ «обѣльной грамоты» изъ рода въ родъ. Царь сдѣлалъ по его прошенію. И воротился онъ на родину въ Ялгубу, и вдругъ изъ его гортани пошелъ смрадъ; такъ и жилъ онъ до смерти съ этою пухотой, и грамота идетъ изъ рода въ родъ и къ каждому Царю поступаетъ на требованіе».

Народная пѣсня такъ же рисуетъ Годунова, какъ похитителя Русскаго престола.

«Какъ представился-то царь Федоръ Ивановичъ,
«Такъ досталась-то Россіюшка злодѣйскимъ рукамъ,
«Злодѣйскимъ рукамъ боярамъ-господамъ,
«Появился-то изъ бояръ—Борисъ Годуновъ,
«И этакъ Годуновъ всѣхъ бояръ-народъ надулъ;
«Завладѣлъ всею Русью, сталъ царствовать въ Москвѣ;
«Ужъ досталъ онъ и царство смертію царя,
«Смертію царя, славнаго Дмитрія Царевича.
«Не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
«Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится;
«То идетъ Божій гнѣвъ
«За Русь православную;
«И погибъ коршунъ во гнѣздѣ своемъ,
«Проточилась кровъ по Москвѣ-рѣкѣ».

ПЕРВЫЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Не исчезъ изъ народной памяти и Гришка Отрепьевъ. Въ народныхъ пѣсняхъ поется:

«О Боже, Боже-Спасъ Милостивый,
«За что на насъ, Боже, прогнѣвался?
«Сослалъ на насъ, Боже, прелестника,
«Вора Гришку Распригу Отрепьева.
«Прелѣстилъ онъ, воръ-собака, три земли:
«Перваго прелѣстилъ короля въ Литвѣ,
«Другого прелѣстилъ землю Польскую;
«Третьею сильно царство Московское».

Разсказываютъ, что онъ былъ высокъ ростомъ, грамоты и ученія великаго, и, будучи еще ребенкомъ, заростилъ царскій крестъ въ правую руку. За десять лѣтъ до воцаренія, при Федорѣ Ивановичѣ, вели его въ пюрму, на Воздвиженской недѣлѣ. Вдругъ онъ остановился на верхней площадкѣ и глядитъ: гуси летятъ и зыкаютъ. «Што-жъ ты сталъ», говорятъ ему вожаемые.—Слушаю,—отвѣчаетъ онъ,—гусей, какъ совѣтуютъ о томъ, чтобы мнѣ быть царемъ на Москвѣ.—Тутъ онъ, спустя много послѣ, объявилъ гусямъ-боярамъ: «я, говоритъ, истинно Димитрій, царскій сынъ;

смотрите, говоритъ, въ рукѣ у меня зарощенъ царскій крестъ, а родитель моя въ подневолѣ, въ Выксинѣ, и крестъ этотъ она заращивала». Приѣзжаетъ царица благовѣрная во царскій градъ Москву, и онъ самъ ее спрѣтает, и «родитель моя» называется. И рады были гуси, што царскій корень не пропалъ. Всѣхъ бояръ перехитрилъ Гришка Разстрига, и избрали его на царство, и царствовалъ онъ годъ и два мѣсяца и проклинали его, какъ и иныхъ царей невѣрныхъ, за всѣ его дѣла проклятія.

Въ народныхъ массахъ, какъ мы выше сказали, шла глухая, но широкая молва о подмѣнѣ царевича, обреченнаго на смерть, какимъ-то немилымъ постельничкомъ: фабула эта воспѣвалась въ народныхъ пѣсняхъ, относимая къ царевичу Федору Ивановичу, который тогда уже царствовалъ.

Не въ живыхъ только преданіяхъ знаменемъ Дмитрія, что онъ истинный царевичъ, спасенный отъ руки Годунова, служилъ крестъ, зашитый въ рукѣ его матерью. Преданіе это уцѣлѣло и въ народныхъ пѣснопѣніяхъ, съ тою разницею, что крестъ оказывается здѣсь зашитымъ не въ рукѣ, а въ его груди.

«Гришка Разстрижка въ тюрѣмѣ сидитъ,
«Сидѣлъ-то онъ въ тюрѣмѣ ровно тридцать лѣтъ,
«Заростилъ свой крестъ во бѣлы груди».

Мать его Марія Нагихъ, какъ извѣстно, была сослана Годуновымъ на Бѣлоозеро. Преданіе дополняетъ, что ей самой предоставлено было выбрать мѣсто для житія въ предѣлахъ Бѣлоозерскихъ. Вотъ ѣдетъ она по рѣкѣ Шекснѣ, на лодкѣ, и слышитъ звонъ Выксинскаго монастыря, который слышенъ былъ за три версты, и затронулъ ея сердце пріятными серебристыми звуками. Она остановилась, поспѣшила въ монастырь и избрала его мѣстомъ для своего жителѣства; однако поселилась не въ самомъ монастырѣ, а сажень за двѣсти отъ него, на болѣе возвышенномъ мѣстѣ; въ церковь ходила каждый день и около своей хоромыны выкопала колодезь, который донинѣ зовется «царицынъ колодезь». На мѣстѣ ея кельи стоитъ теперь ель, а на мѣстѣ монастыря—приходская церковь. Ею пожертвованъ былъ въ монастырь большой колоколь, съ лѣтописью ея имени, но церковный староста, въ сороковыхъ годахъ, промѣнялъ его на мѣдъ и слилъ изъ ней новый колоколь, несравненно, конечно, худшаго достоинства.

Вызванная въ Москву Дмитриемъ, она призналась, что «крестъ ему въ руку зашивала», и тѣмъ смутила народъ и бояръ думою, что «царскій корень не пропалъ».

Весьма вѣроятно преданіе, что Гришка Отрепьевъ получилъ свое образование въ какой-то западно-русской іезуитской школѣ и здѣсь совершенно потерялъ національное православное чутіе.

Не даромъ, конечно, Виленская іезуитская академія, съ такимъ торжествомъ, съ рѣчами и стихами, полными латинскихъ іезуитскихъ пожеланій, встрѣчала и провожала его невѣсту, Марину Мнишекъ, въ православную Москву.

И народная поэзія, въ уста Самозванца влагаешь подобныя же пожеланія, обращенныя къ своей женѣ—той же Маринѣ Мнишекъ.

«Приходитъ воръ на царское крылечушко,
«Прищипываетъ, собака громкимъ голосомъ
«Чтобы слышно было въ хоробру Литву,
«Ко Юрію пану Сердопольскому:

- Ай же ты, Марина, лебедь бѣлая!
- Ты не кланяйся Московскимъ князьямъ-бояромъ,
- Не молись-ко, Марина, чуднымъ образамъ,
- Проходи-тко, Марина, въ палаты бѣлокаменны,
- Ты садись-ко, Марина, за столы за дубовые,
- Кушай—рушай-же, Марина, лебедь бѣлую».

Ученикъ іезуитской школы, онъ не умѣлъ щадить національное русское чувство и религіозные православные обычаи, а потому и самъ чувствовалъ свою непрочность на Русскомъ престолѣ:

«Проживу ли то я, Маринушка, тридцать лѣтъ,
«Иль не проживу мнѣ-ка, Маринушка, и трехъ часовъ».

Съ избраніемъ въ Цари Василія Шуйскаго, позорно низвергнувшаго его съ престола, оппюдь не наступило на Руси успокоенія. Напротивъ того, теперь-то началась борьба социальная; борьба низнихъ классовъ народа, бѣглыхъ крестьянъ и казаковъ противъ выснихъ классовъ землевладѣльцевъ и господъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось въ обществѣ, вмѣсто Царя въ борнаго, исканіе Царя прирожденнаго. Государство распалось въдребезги. Имъ правила семибоярщина,—а у семи нянекъ дитя безъ глазъ. Ворота крѣпостныя были открыты, и въ Кремлѣ царствовалъ ляхъ, нагло ликуя свою побѣду надъ Русскимъ народомъ. Земля русская представляла пустыню, надъ коей простерлись мгла смерти и ужасъ огня и меча.

СПАСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВА.

Въ это безгосударственное время являются героями и спасителями Русскаго Царства Скопинъ-Шуйскій, Патриархъ Гермогенъ, Мининъ—Пожарскій.

Народная пѣсня о Скопинѣ проникнута глубокимъ благоговѣніемъ предъ его спасительнымъ подвигомъ. Положеніе Россіи было ужасно:

«Кругомъ всего Царства Московскаго
«Литва облегла во всѣ четыре стороны
«И съ нею сила, Сорочина долгополая,
«И тѣ Черкесы Пятигорскіе,
«Еще ли Калмыки съ Татарами,
«Со Татарами со Башкирами,
«Еще Чюкча со Люторами,
«Нельзя ни пройти, ни проѣхать
«Ни конному, ни пѣшему.
«Скопинъ съ своей дружиною
«Въ восточную сторону походомъ пошли,
«Они вырубили Чудь-бѣлоглазую,
«Они вырубили Сорочину долгополую;
«Въ полуденную сторону походомъ пошли,
«Прекрышили Черкесъ Пятигорскихъ;
«А немного дрались, скоро сами сдались;
«А на Сѣверную сторону походомъ пошли,

«Прирубили Калмыковъ со Банкирцами;
«А на Западную сторону и въ ночь пошли,
«Прирубили Чюкши со Люторами».

Но это побѣдоносное и славное очищеніе Руси Скопинымъ стоило ему жизни, и если исторія лишь предполагаетъ его оправленіе, то народная пѣсня изображаетъ подробно какъ это случилось.

«Какъ у насъ было въ каменнѣй Москвѣ,
«У князя было Воробынскаго,
«Было пированіе великое:
«Крестили дитя княженецкое.
«Кумомъ былъ Михаилъ Скопинъ,
«Князь Михаилъ Скопинъ, сынъ Васильевичъ,
«А кумою была дочь Скурлапова.
«Много было тутъ князей-бояръ,
«Князей-бояръ, гостей званыхъ,
«Они ѣли-пили, прохлаждалися...
«Выходили на красенъ крылецъ—
«И учили они хвастаться:
«Одинъ скажетъ: у меня много чиста серебра,
«Другой скажетъ: у меня больше красна золота.
«Князь Михаилъ Скопинъ, сынъ Васильевичъ,
«Онъ не пилъ зеленѣ вина,
«Только пилъ меду сладкаго.
«А и съ меду князь захмѣлѣлъ,
«Во хмѣлю онъ похвалялся сталъ:

.....
.....

— Я очистилъ царство Московское,
— Я вывелъ вѣру поганскую,
— Я сталъ за вѣру Христіанскую,
— И за то мнѣ слава добѣду.
«И то слово кумѣ не полюбилось.

.....

«Втапоры она дѣло сдѣлала:
«Наливала чару зеленѣ вина,
«Подсыпала въ чару зелья лютаго,
«Подносила чару куму крестовому.
«А князь отъ вина отказывался,
«Онъ самъ не пилъ, куму подчивалъ.
«Думалъ князь—она выпила,
«А она въ рукавъ вылила.
«Брала же она стаканъ меду сладкаго,
«Подсыпала въ стаканъ зелья лютаго,
«Поднесла куму крестовому.
«Отъ меду князь не отказывается:
«Выпиваетъ стаканъ меду сладкаго;
«Какъ его тутъ рѣзвы ноженки подломилися,
«Его бѣлыя рученки опустилися;
«Ужъ какъ брали его тутъ слуги вѣрные,
«Подхватили его подъ бѣлыя руки,
«Увозили князя къ себѣ домой.
«Какъ встрѣчала его матушка:
— Дитя тѣ мое, чадо милое!
— Сколько по пирамъ тѣ не ѣзживалъ,
— А таковъ пьянъ да тѣ не бѣывалъ.
«Охъ тѣ, гой еси, матушка моя родимая!
«Сколько я по пирамъ не ѣзжалъ,

«А таковъ еще пѣянь не бывалъ:
«Сѣбла меня кума крестовая,
«Дочь Малюты Скурлатова».

Иначе чтить народъ, соотвѣтственно званію и сану, другого спасителя Русскаго Царства—Папріарха Гермогена. Много спсрадалъ онъ за Русскую землю. Онъ спсрадалъ за канонъ церковный, когда всѣ другіе епископы ему измѣнили; онъ спсрадалъ за Царя боговѣнчаннаго, когда боярство его отрицало; онъ спсрадалъ за вѣру въ народную мощь Россіи, въ которой извѣрился Царь боговѣнчанный, искавшій помощи у народа иновѣрнаго и иноплеменнаго; онъ спсрадалъ за идею Царя,—русской крови и Русскаго православнаго духа, когда избирали царя польской крови и латинской вѣры; онъ спсрадалъ за русское рапоборное множество, откликнувшееся на призывъ его, когда силою заграждали уста его и помили заточеніемъ. Онъ спсрадалъ, и чашу своихъ спсраданій испилъ до дна: онъ палъ, обезсиленный и измученный голодомъ и жаждою, въ мрачномъ Чудовскомъ подземельѣ; онъ палъ отъ враговъ Россіи и возспалъ въ народномъ сознаніи, въ вѣнцѣ священномученика, положившаго животъ свой за Русскую землю.

Вотъ уже приста лѣтъ простой народъ преклоняетъ колѣни предъ его гробницей въ Успенскомъ соборѣ и совершаетъ предъ нимъ панихиды; еще въ XVII вѣкѣ благочестивые русскіе папріоты причисляли его къ лику святыхъ мѣстно чтимыхъ и держали въ домахъ его ликъ ¹⁾.

Въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ извѣстно, было поднято знамя спасенія Россіи Мининымъ и Пожарскимъ. Подъ это знамя спали и помѣстное дворянство, готовое на бой за землю Русскую, и міръ торговый, чуткій къ русской славѣ и готовый на жертвы, и все гражданство, и все крестіянство, чуввавшее въ себѣ силу хоробую, богатырскую.

Но сборнымъ пунктомъ всѣхъ земскихъ дружинъ изъ сѣверныхъ областей, спавшихъ подъ это знамя и горѣвшихъ желаніемъ изгнать изъ родной земли чужеземное насиліе, былъ городъ Ярославль.

Какъ ни велика и ни могуча была собравшаяся здѣсь боевая сила, но ей, при ея множествѣ и разрозненности, нужно было единое настроеніе, возвышенное, объединяющее чувство, заглушающее себялюбіе и личные счеты. Извѣстно, что ничто не можетъ внушить герою такой вѣры въ свою собственную мощь и силу, какъ религиозное чувство, какъ голосъ о помощи свѣше, о сверхъестественномъ содѣйствіи Великаго Бога Земли Русской.

Вотъ эту-то богатырскую силу, это-то возвышенное настроеніе, это-то общее всеобдержное одушевленіе и горѣніе духомъ и передало Ярославское городское общество собравшимся здѣсь дружинамъ Пожарскаго и Минина; оно ихъ объединило, заразило и зарядило нравственной энергіей и трепетнымъ чаяніемъ побѣды и славы.

Мрачно и убійственно подѣйствовала было тогда на эти дружины открывшаяся въ Ярославлѣ моровая язва, которая свирѣпствовала тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше собралось здѣсь ополченцевъ изъ разныхъ городовъ сѣверныхъ, восточныхъ и западныхъ. Геройскія сердца упали и были подавлены горемъ и уныніемъ. Начались среди нихъ внутреннія нестроенія. На первыхъ же шагахъ открылись грозныя предвѣстія и, Богъ знаетъ что было бы, если бы ярославскіе граждане не поддержали упавшій духъ разстроившихся дружинъ.

¹⁾ Лѣтъ тридцать тому назадъ на Московскомъ антикварномъ рынкѣ, именно у С. Т. Большакова продавалась икона Святителя Гермогена, на доскѣ XVIII вѣка, гдѣ онъ изображенъ былъ съ нимбомъ.

Обрѣшеніе и явленіе народу древнѣйшей иконы Неруко-твореннаго Спаса, находившейся въ вѣпхой часовнѣ, и всенародный крестный ходъ кругомъ всего погдашняго города, съ чудотворнымъ Толгскимъ образомъ Богоматери, подняли и укрѣпили упавшій народный духъ и чрезъ то ослабили, среди гражданъ и дружинъ, дѣйствіе смертоноснаго яда раздора и смуты. Но особенно же на повышеніе духа и нервовъ въ Ярославѣ указываетъ построение здѣсь «Обыденнаго храма во славу Нерукотвореннаго Спаса». Тогда умѣли вѣровати, умѣли молиться, умѣли горѣ подымати свои сердца. Мы не можемъ теперь и представить того горячаго религіознаго одушевленія, которое подвигнуло тогда ярославскихъ гражданъ построить и освятить храмъ Всемилоствому Спасу въ одинъ день. Святое чувство охватывало всѣхъ—и старыхъ и малыхъ и средовѣчныхъ; оно проникало тогда насквозь все существо человека и самыя кости его. Другъ передъ другомъ, любовно и единомысленно, всѣ спѣшили принять такое или иное участіе въ построении обыденнаго храма. Всякому хотѣлось приобщиться къ святому дѣлу и угодить Всемилоствому Спасу. Нѣтъ сомнѣнія, что и полки Пожарскаго принимали участіе въ построении этого обыденнаго храма, и тѣмъ усерднѣе, чѣмъ сильнѣе чувствовалась опасность смертоносной язвы.

Вотъ это-то религіозное одушевленіе и ободрило упавшія дружины, перелилось въ ихъ сердца; заставило забыть взаимныя распри, объединиться и думать только объ одномъ—о спасеніи во имя Божіе земли Божіей, Русской, православной.

Какъ Пожарскій и Мининъ дорожили такимъ высокимъ, объединяющимъ настроеніемъ своихъ разнородныхъ и немирныхъ полковъ, видно изъ того, что они, какъ-будто опасаясь утраты или ослабленія этихъ святыхъ чувствъ на пути, настаивали и даже пребывали, чтобы отъ Ярославля до Троицы дружины ихъ сопровождалъ Ростовскій митрополитъ Кириллъ. У Троицы снова начались внутренніе раздоры, но здѣсь у раки преподобнаго, Великаго Стоятеля за Русскую землю, легче было примириться и объединиться подъ религіозной идеей. Отъ Троицы до Москвы, также, конечно, по желанію Пожарскаго и Минина, дружины ихъ сопровождалъ Троицкій келарь Авраамій Палицынъ съ пою же цѣлю, чтобы оберегати святыя, объединяющія всѣхъ, возвышенныя настроенія, вынесенныя изъ Ярославля. Такимъ образомъ религіозный энтузіазмъ ярославцевъ велъ ополченія Минина и Пожарскаго, устранивъ на пути всѣ несогласія и раздоры, отъ Ярославля до Троицы и отъ Троицы до Москвы.

Неизвѣстны подробности того, изъ-за чего именно возникали эти несогласія; но то извѣстно, что одни были недовольны воинскимъ хозяйствомъ, которое велъ Мининъ, другіе—воинскими распорядками, коими руководилъ Пожарскій. Да и трудно было поддерживать согласіе и миръ среди множества разнородныхъ земцевъ и своеобразныхъ горожанъ, при томъ же въ такіе моменты, когда всякая склонность къ дисциплинѣ была расшатана и подорвана общеземскимъ настроеніемъ и отсутствіемъ всякаго государственнаго порядка.

Въ Москвѣ же собравшимся земскимъ ополченіямъ приходилось имѣть дѣло не только съ поляками, засѣвшими въ Кремлѣ, но и съ казаками, ихъ осаждавшими, кои, какъ извѣстно, заманили въ свой кругъ славнаго предводителя перваго земскаго ополченія Ляпунова и изрубили своими саблями, и кои еще болѣе ненавидѣли князя Пожарскаго и искали его смерти прежде, чѣмъ появился онъ подъ Москвою.

При такихъ обстоятельствѣхъ не могла не испытывать туги душа Пожарскаго, не могла не волноваться отъ мрачной неизвѣстности, не могла не смущаться и не омрачаться большими опасеніями происковъ Заруцкаго.

Въ древнемъ Ростовѣ, мимо коего лежалъ путь изъ Ярославля къ Москвѣ, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ подвизался старецъ Иринархъ; онъ жилъ въ тѣсной келѣ, носилъ на себѣ тяжкія вериги и проводилъ время въ молитвахъ, прикованный къ стулу десятисаженной цѣпью. Своимъ молитвеннымъ подвигомъ достигъ онъ внутренняго прозрѣнія. Когда Сапѣга съ войскомъ вошелъ въ Ростовъ, подступилъ къ Борисоглѣбскому монастырю и зашелъ къ Иринарху въ келю, онъ изумилъ Сапѣгу безстрашіемъ польскаго меча, суровостію своего подвига и исповѣданіемъ «въ какой землѣ жить, тому и служить». «Возвратись, панъ, въ свою землю,—сказалъ онъ Сапѣгѣ;—полно тебѣ разорять Россію; если не выйдешь изъ Россіи или опять придешь, знай, что ты здѣсь будешь убитъ». Предсказаніе подвижника исполнилось.

И вотъ этотъ самый старецъ, провидя смущеніе и волненіе Пожарскаго, нашелъ нужнымъ нравственно его укрѣпить. Онъ прислалъ князю благословеніе и просфору и велѣлъ сказать: «ступай въ Москву, не бойся Заруцкаго: увидите славу Божию». Понятно, почему самъ Пожарскій поспѣшилъ въ Ростовъ лично увидать столъ прозорливаго старца. Преподобный отдалъ ему свой крестъ и напутствовалъ его своимъ благословеніемъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидавшій его ополченія подъ Москвою князь Трубецкой, какъ тушинецъ и поварищъ Заруцкаго, въ душѣ своей не чуждъ былъ коварства. Подъ Москвою, такимъ образомъ, стояли вожди земскаго ополченія и казацкихъ полковъ и открыто не ладили другъ съ другомъ. Дѣло спасенія Москвы и Россіи снова готово было погибнуть, и снова было поддержано чисто русскимъ православнымъ чувствомъ и единымъ нравственнымъ движеніемъ. Въ крипическую минуту подъ Москвою отъ какихъ-то неизвѣстныхъ пустынниковъ, бытъ можетъ изъ того же самаго Ростова, получено было воззваніе на имя Пожарскаго—Трубецкого съ слезнымъ и душевнымъ моленіемъ прекратить взаимный раздоръ, соединиться въ союзъ любви и мира и спасти Москву и всю землю Русскую—православную. Союзъ этотъ былъ заключенъ. Часть казаковъ съ Заруцкимъ ушла въ Астрахань, а часть проникла на Крайній Сѣверъ. Польскій гарнизонъ не могъ удержаться въ Кремлѣ и сдался. Такъ совершилось «Московское очищеніе» и таково историческое значеніе «Обыденнаго всеградскаго храма» въ Ярославлѣ во славу Нерукотвореннаго Спаса, вызваннаго здѣсь сборищемъ ополченій Минина и Пожарскаго ¹⁾.

¹⁾ Таково историческое значеніе Ярославскаго обыденнаго храма Нерукотвореннаго Спаса. Храмъ этотъ нынѣ возобновленъ церковнымъ старостой Александромъ Ивановичемъ Вахрамѣевымъ; открытыя въ алтарѣ фрески реставрированы въ точности; главы позолочены; храмъ принялъ видъ древности. Освященіе его было соединено съ торжествомъ въ память собранія въ Ярославлѣ дружинъ Минина и Пожарскаго, для спасенія Москвы и Русской земли. Торжество было трогательное до слезъ умиленія. Воспроизведенъ былъ крестный ходъ кругомъ всего тогдашняго города, по улицамъ, составлявшимъ тогдашнія окраины; на соборной площади расположены были полки, напоминавшіе дружины Пожарскаго, подъ знаменемъ его стяга, въ соотвѣтствующей копіи. Подъ звуки воинской музыки и пѣнія соединенныхъ хоровъ, съ цѣлымъ соборомъ епископовъ, въ первенствѣ архіепископа Тихона Ярославскаго и Ростовскаго, несены были протоіереями тѣ самыя чудотворныя иконы, кои были поднимаемы дружинами Минина и Пожарскаго. Все это, вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ по всему граду производило умиляющее дѣйствіе и напоминало потъ подъемъ духа въ дружинахъ, который велъ ихъ къ Троицѣ и отъ Троицы къ Москвѣ. Вечеромъ происходило засѣданіе Архивной Комиссіи, на которомъ и были высказаны мною въ привѣтствіи изложенныя мысли. Честъ и слава Комиссіи, устроившей это поучительное историческое торжество.

Народная пѣсня помнитъ какъ вдохновенный патріотическій кличъ Минина въ Нижнемъ Новгородѣ, такъ и то религіозное одушевленіе, которое вынесъ Пожарскій съ своимъ войскомъ изъ Ярославля, изъ Обиденнаго храма Спаса.

«Въ старомъ было Новѣгородѣ
«Жилъ-поживалъ богатый мѣщанинъ,
«Кузьма, Сухороковъ сынъ.
«Собравъ удалыхъ земляковъ,
«Онъ рѣчь имъ возговорилъ:
«Ой вы, гой еси, товарищи, Нижегородскіе купцы!
«Оставляйте вы дома,
«Покидайте женъ вы и дѣтей;
«И на ваше злато-серебро
«Накупите копій вострыхъ
«И ножей да вы булатныхъ.
«Пойдемъ-ко мы сражаться,
«За матушку за родну землю;
«Освободимъ мы Москву православную
«Отъ поляковъ злыхъ и нечестивыхъ жидовъ.
«Привелъ-то князь Пожарскій свои храбрые полки
«Ко спѣнамъ-то привелъ ко Московскимъ;
«Взговорилъ-то онъ храбрымъ воинамъ:
— Охъ вы, гой еси, храбрые солдапушки!
— Помолимся мы на святые врата да на Спасскія,
— На Пречистый Спасовъ образъ уповаючи.
«Помолившись дѣло начали—
«Разбили и проломили врата крѣпкія
«И начали поляковъ колотъ-рубить,
«Колотъ-рубить и въ кучи валить;
«Самого-то Сизмунда въ полонъ взяли,
«Въ полонъ взяли, руки-ноги вязали,
«Руки-ноги вязали, буйну голову рубили».

Последними стихами лишь выражается, что Москва навсегда была очищена отъ Ляховъ.

Въ горнилѣ огненныхъ государственныхъ испытаній закалилась и окрѣпла историческая государственная идея. По всей Руси, въ городахъ и селахъ, отъ барина до мужика, почувалась потребность, вопіющая и неотложная, въ Царѣ-Самодержцѣ, Царѣ прирожденномъ, Царѣ милостию Божіею, излюбленномъ всею Землею. Только съ избраніемъ такого Царя кончилось огненное испытаніе и началась новая эпоха русской исторіи.

Они баринъ

